
А.С. Щавелев, А.А. Фетисов

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ IX В. 2. КАРТА СКАНДИНАВСКИХ КОМПЛЕКСОВ И АРТЕФАКТОВ¹

Статья продолжает исследование исторической географии и торговых путей Восточной Европы IX столетия. В статье анализируется карта археологических комплексов и артефактов, связанных с культурой средневековой Скандинавии (оружие, женские украшения и др.) и, шире, Северной Европы. Карта этих комплексов и находок сопоставляется с картой денежно-вещевых кладов IX в., позволяя констатировать, что есть целый ряд совпадений локализаций находок скандинавских предметов и кладов, что лишний раз подтверждает участие выходцев из Северной Европы в транзите монетного серебра по Восточной Европе IX в. Анализ данных о «нижней дате» поселений, которые связаны с присутствием скандинавов в Восточной Европе, позволяет констатировать, что все эти поселения (за исключением Ладоги и Рюрикова городища) появляются к началу X в., а до конца IX в. стационарных поселений скандинавов вне Поволховья и Приильменя не было. Места концентрации единичных находок и отдельных находок в слоях некоторых памятников позволяют очертить пределы, до которых доходили скандинавские первопроходцы. В статье показано, что IX столетие было совершенно особым периодом истории Восточной Европы, поэтому использование ретроспективных данных более позднего времени (прежде всего, X в.) для реконструкции исторических процессов этого столетия методологически не верно.

Ключевые слова: Восточная Европа, скандинавы, артефакт, находка, IX век, торговые пути, историческая география.

¹ Первая часть нашего совместного исследования Восточной Европы IX в. опубликована ранее: *Щавелев А.С., Фетисов А.А.* К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. С. 7–53, + карта-вклейка. Инверсионный порядок фамилий авторов отражает не только и не столько объем авторского вклада в эти статьи, сколько степень ответственности за исторические выводы из археологического материала. Соавтор-археолог здесь выступает как «адвокат дьявола», защищающий археологические материалы от «сверхинтерпретаций» соавтора-историка.

Проникновение выходцев с севера, из Скандинавии, и, шире, Северной Европы и «циркумбалтийского ареала»², в Восточную Европу с середины VIII в. стало в исторической перспективе одним из ключевых этнокультурных процессов, определивших историю этого региона последующих двух с половиной столетий³. До сих пор в археологической литературе за редкими исключениями доминировало совокупное изучение археологических материалов, связанных с выходцами «с севера» (из Скандинавии) IX, X и даже XI столетий без попыток их хотя бы приблизительного хронологического разделения⁴. Это было, конечно, связано, прежде всего, со сложностями

² Концепт «циркумбалтийская субконтинентальная цивилизация» (иногда называемой «скандобалтийской») принадлежит Г.С. Лебедеву (Славяне и скандинавы / Пер. с нем. и общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005; *Герд А.С., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Седых В.Н.* Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб., 1999). Это своего рода «северный аналог» циркусредиземноморского историко-культурного ареала (*Braudel F.* The Mediterranean in the Ancient World / Ed. by A. De Roselyne & P. Braudel / Trans. by S. Reynolds. London, 2001; *Бродель Ф.* Средиземноморье и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. М.А. Юсима. Ч. I: Роль среды. М., 2002. Ч. II: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003).

³ См. подробнее основополагающие работы Е.А. Мельниковой (*Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011) и В.Я. Петрухина (*Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М.; Смоленск, 1995; *Он же.* Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // ДГВЕ. 1981. М., 1983. С. 174–181; *Он же.* Варяги и хазары в истории Руси // ЭО. 1993. № 3. С. 68–83). См. так же более современные обобщающие монографии: *Duczko W.* Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe / The Northern World. Vol. 12. Leiden, Boston, 2004; *Androschuk F.* Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100). Uppsala, 2013. О проблеме собственно механизмов и форм проникновения скандинавов в Восточную Европу см.: *Щавелев А.С.* Русы / росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 112–121; *Щавелев А.С.* Инвазия скандинавов («рус») в мир славян Восточной Европы IX – первой половины X в. // Миграции в Средние века / Отв. сост. М. Боргольте, А.В. Доронин, С.И. Лучицкая. М., 2016. (в печати); *Фетисов А.А.* К дискуссии о типе колонизации скандинавами территорий Восточной Европы // Русский сборник. Вып. 8. Т. 12. Брянск, 2016. С. 279–282. Теоретические вопросы изучения колонизационных потоков из Скандинавии в сравнительной перспективе см.: *Клейн Л.С.* Генераторы народов // Бронзовый и железный век Сибири. Материалы по истории Сибири. Вып. 4. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1951. С. 126–134; *Randsborg K.* Colonization: Greek & Viking // Acta Archaeologica, Supplementa. V. II. Munksgaard, 2000. P. 171–182.

⁴ О роли изучения скандинавских древностей в рамках славяно-русской археологии и их «удельном весе» как компоненты древнерусской культуры см. в статьях:

определения точных датировок, как комплексов, так и отдельных предметов. И эта проблема «узкого» датирования остается сейчас чрезвычайно актуальной для археологии раннесредневекового периода. Но в не меньшей степени отказ от попыток поиска «узких» дат был связан с «гипнозом» хронологии письменных источников, прежде всего, ПВЛ, которая начинает историю державы и династии Рюриковичей, по сути, с середины IX в. (с пресловутой даты «призвания Рюрика и его братьев» на княжение⁵). Фактически археологи в этом вопросе демонстрируют классический пример смешанной аргументации («die vermischte Argumentation»⁶), пытаясь найти хронологические опоры в письменном источнике, хронология которого сама по себе признана историками недостоверной. На самом деле, сейчас вполне ясно, что «летописная история» первых князей Рюриковичей протекала в течение X в.⁷ Таким образом, IX в. требует совершенно отдельного, «индивидуального» подхода, он должен изучаться не

Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // РА. 1990. № 3. С. 271–290; *Сагайдак М.А., Мурашева В.В., Петрухин В.Я.* К истории градообразования на территории Древней Руси VI – первая половина XI в. // История русского искусства в 22 томах. Т. I. Искусство Киевской Руси IX – первая четверть XII века / Отв. ред. А.И. Комеч. М., 2007. С. 81–108; *Макаров Н.А.* Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 73–88; *Он же.* Начало Руси глазами современной археологии // Вестник РАН. 2013. Т. 83. № 6. С. 499–500; *Макаров Н.А., Носов Е.Н., Янин В.Л.* Начало Руси глазами современной археологии // Труды Отделения историко-филологических наук. 2008–2013. М., 2014. С. 17–36; *Platonova N.* Problems of Early Medieval Slavonic Archaeology in Russia (a view from St. Petersburg) // Post-Classical Archaeologies. 2016. Vol. 6. P. 333–416.

⁵ В НПЛМИ эта дата: 6362 г. (=853/854 г.), в ПВЛ – 6370 г. (=861/862 г.). См. ПСРЛ. Т. I. Стб. 19–20; ПСРЛ. Т. III. С. 106–107.

⁶ *Hachman R.* Die Goten und Skandinaviern / Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. Berlin, 1970. S. 473; *Pohl W.* Ein Steppenvolk in Mitteleuropa. 567–822 n. Chr. München, 1988. S. 14, 337–338. Ср.: *Немировский А.А.* Датировка Троянской войны в античной традиции: к легендарной хронологии «героического века» Эллады // *Studia Historica*. Т. III. М., 2003. С. 18.

⁷ *Бахрушин С.В.* К вопросу о достоверности Начального свода // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1987. С. 16–18; *Sorlin I.* Les premières années byzantines du Récit des temps passés // *Revue des études slaves*. Т. 63, fasc. 1. Rus' de Kiev et Russie muscovite. Paris, 1991. P. 9–18; *Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. par *M. Kazanski, A. Necessian et C. Zuckerman.* (Réalités Byzantines, 7). Paris, 2000. P. 114–116; *Цукерман К.* Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища. Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 332–351.

как «первое столетие Руси»⁸, а как совершенно отдельный период, когда «Руси X в.» еще не было и в проекте. Это был период, когда происходила кристаллизация разных местных «центров» военно-политической силы и международной «дальней» торговли. VIII–IX вв. были не столько временем становления будущей Руси X–XI вв., а, напротив, это был финал предшествующего этапа этнокультурной истории Восточной Европы. Это было время первичной расстановки геополитических фигур той партии, которую предстояло в X в. выиграть «династии Рюриковичей», которая, согласно раннему древнерусскому летописанию, в начале этого века при князьях Олеге и Игоре Рюриковиче контролировала Киев, Ладогу, Псков и Новгород⁹.

В предыдущей публикации, посвященной исторической географии IX в. Восточной Европы, нами были картографированы денежно-вещевые клады этого столетия¹⁰. Убрав с карты монетные комплексы X и XI в., мы получили совершенно новую картину торгово-экономической активности, показывающую, что в IX в. конфигурация торговых путей и сопутствующих очагов политогенеза серьезно отличалась от их схемы в X в.¹¹ Без такой необхо-

⁸ Ср. статью о «первом столетии Руси», в которой легко перемежаются, тасуются и проецируются друг на друга материалы с VI по X в. на огромной территории от Балкан до Балтики (*Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь / Под ред. А.А. Горского. Т. 10. М., 2012. С. 7–112*). Такой хронологический охват и такой географический масштаб, помноженные на свободную ретроспекцию более поздних реалий на более ранние, и более ранних – на более поздние, а также свободное проецирование данных одних регионов на другие (например, данные о славянах на Балканах VI–VII вв. на историю славян Восточной Европы X–XI вв.) не выглядят методологически обоснованными. Таким жонглированием аргументации слишком легко доказываются любые априорные схемы, к которым тяготеет историографическая традиция или сам исследователь.

⁹ *Щавелев А.С. Захват территорий славянских «племен» «державой Рюриковичей» в первой половине X в. // ВЕДС. XXVII. Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 328–335; Он же. К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюриковичем (летописная дата, византийские источники и археология) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. К 95-летию Е.А. Каменцевой. М., 2016. С. 533–536; Он же. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. М.; Вологда, 2016. С. 22–46.*

¹⁰ *Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы.*

¹¹ Ср. последний обзор кладов кладов и карту: *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточно-европейские пути и торговые связи в конце VIII–X вв. // Русь в IX–X веках. С. 383–401.*

димой процедуры элиминации более поздних комплексов X в., в большинстве исследований автоматически происходила проекция карты торговых путей Восточной Европы X в. на предшествующее столетие. Наш анализ показал полный экономический и политический вакуум в Среднем Поднепровье, полное отсутствие признаков политического и торгового центра у Киева до конца IX в.¹² Нам также удалось найти дополнительные аргументы в пользу раннего, в IX в., функционирования широтного пути из «хазар в немцы» (см. ниже). А также подтвердить идею, что в IX в. еще не существовал путь «из варяг в греки» как единая торговая магистраль дальней торговли, использовались только его отдельные отрезки, только к середине X в. сложившиеся в единый меридиональный путь. Наши материалы показали бóльшую интенсивность использования в IX в. именно широтных путей – через Среднее и Верхнее Поднепровье. Апробировав методику «географической карты археологических артефактов одного столетия» на материале денежно-вещевых кладов, мы попытаемся теперь применить ее к картографированию находок комплексов и предметов, связанных с выходцами из Северной Европы в Восточной Европе.

К сегодняшнему моменту нам известно четыре основных сводных карты находок скандинавских («северных») древностей в Восточной Европе. Первая карта воспроизведена как приложение к разделу В.П. Даркевича о связях Руси и Скандинавии в издании тома «Археологии СССР» «Древняя Русь. Город, замок, село» 1985 г.¹³, она была составлена Г.С. Лебедевым и В.А. Назаренко. На ней условно отмечены районы, в которых были найдены «скандинавские комплексы» и «скандинавские вещи в культурном слое поселений» X–XI вв., отдельно приведена карта «скандинавских фибул». Эта карта должна была отразить только факт присутствия скандинавов на Руси и районы такового. Вторая карта была составлена А. Стальсберг¹⁴. Эта карта охватывает

¹² См. дополнительные аргументы, на наш взгляд окончательно закрывающие вопрос: *Щавелев А.С.* К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюриковичем. С. 533–536. Ср.: *Котышев Д.М.* Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII–X вв. // Труды Института российской истории. Вып. 12. М., 2014. С. 3–28.

¹³ Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин / Археология СССР. М., 1985. С. 406–407.

¹⁴ *Стальсберг А.* Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические вести. № 3. СПб., 1994. С. 193.

весь период присутствия скандинавов «эпохи викингов» в Восточной Европе, но эта карта-схема сугубо условна с точки зрения географии, она в свою очередь лишь более подробно отражает районы концентрации комплексов и находок. Третья карта приведена в статье Т.А. Пушкиной, на этой карте, в отличие от всех остальных, специально указаны датировки памятников с VIII, IX, X и XI вв.¹⁵ В этой карте приведены «осторожные» сбалансированные датировки, но сейчас в своем большинстве они уже устарели. Однако, сам предложенный подход – оптимален для решения проблемы присутствия скандинавов в Восточной Европе, причем, Т.А. Пушкина специально выделяет проблему «хронологической топографии» скандинавских находок¹⁶. Это перспективное начинание хронологического картографирования скандинавских находок, однако, не было продолжено. Четвертая современная карта составлена в 2012 г.¹⁷, она гораздо более подробна с точки зрения географии, однако, в ней снова, как и на первых двух, нет разбивки по хронологии, и есть несколько принципиальных географических ошибок и недочетов. Например, знаменитый клад у дер. Кислая помещен на противоположный берег Днепра и смещен более чем на 100 км., также на противоположный берег Днепра со смещением на 30 км помещен могильник у дер. Новоселки, вблизи Гнездовского археологического комплекса. На карте городище Листвин (№ 72) ошибочно помещено в Овручский район Житомирской обл., у истока р. Словечна (приток р. Припяти), однако в текстовой части каталога расположение городища указано правильно – Дубенский р-н Ровенской обл., в бассейне притока р. Стыри р. Иквы¹⁸. Как и в случае с денежно-вещевыми кладами, проблема географических уточнений мест находок скандинавских вещей стоит достаточно остро и требует усилий разных специалистов для уточнения итоговой карты

¹⁵ *Pushkina T.A. Scandinavian Finds from Old Russia. A Survey of their Topography and Chronology // The Rural Viking in Russia and Sweden / Ed. P. Hansson. Örebro, 1997. P. 82.*

¹⁶ *Ibid. P. 86–88.*

¹⁷ *Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Париж, 2012. С. 22–23.* Дизайн карты сделан М.Е. Левадой. См. также рецензию: *Комар А.В., Хамайко Н.В. Рец. // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (12). Колекція наукових фондів Інституту археології НАН України. Результати досліджень. Київ, 2014. С. 188–197.*

¹⁸ *Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. С. 22–23, 161.*

мест и обстоятельств их обнаружения¹⁹. Опять же эта четвертая карта отражает совокупное наличие «скандинавских древностей» на разных памятниках *за весь период* «эпохи викингов». Эта же карта приведена в монографии Ф. Андрощука²⁰, здесь карта не имеет легенды и служит, видимо, лишь наглядной иллюстрацией, а не инструментом исследования, еще одна копия этой карты воспроизведена в издании «The Viking Word»²¹.

Почти все попытки географической систематизации скандинавских комплексов артефактов, кроме работ Т.А. Пушкиной, как видим, не учитывали исторический контекст скандинавской миграции в Восточную Европу в различные периоды. Между тем, можно изначально предполагать, что в VIII–IX в. происходили только первые предварительные попытки поиска путей проникновения в Восточную Европу, а в X в. в Восточную Европу шел уже мощный поток выходцев с севера, использующих уже налаженные магистрали транзитной торговли с сетью портов-эмпориев и других городских центров. Картографировать артефакты этих двух разных исторических периодов некорректно, а, главное, бесперспективно для дальнейшего анализа.

К сожалению, каталог находок, найденных на территории Руси, анонсированный Т.А. Пушкиной в 1997 г.²², в 2011 г. так и остался в проекте²³. Разумеется, эта давно ожидаемая публикация создаст новую фундаментальную базу для дальнейших историко-археологических исследований, однако, нам представляется целесообразным попытаться картографировать находки скандинавских комплексов и артефактов IX в., опираясь на существующие сейчас публикации, не дожидаясь этого сводного каталога. В том числе и для того, чтобы еще раз вслед за Т.А. Пушкиной об-

¹⁹ Ср.: *Щавелев А.С., Фетисов А.А.* К исторической географии. С. 12. С нашими сугубо факультативными эммендациями географического характера согласился автор каталога кладов В.С. Кулешов: *Кулешов Вяч.С.* Периодизация монетного обращения середины VIII – начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 169–179.

²⁰ *Androshchuk F.* Vikings in the East. Essays. P. 12.

²¹ *Androshchuk F.* The Vikings in the East // *The Viking World* / Ed. by S. Brink & N. Price. L.; N.Y., 2012. P. 518, 520.

²² *Pushkina T.A.* Scandinavian Finds from Old Russia. P. 83–91.

²³ *Пушкина Т.А.* Скандинавские древности на Руси // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. 2011. Том II. М.; СПб., Великий Новгород, 2011. С. 89–90.

ратить внимание на необходимость не только географической локализации «скандинавских» древностей и отдельной «табличной» росписи их хронологии, но и на необходимость их последовательного «*хронологического картографирования*». Наше исследование не претендует на полноту собранного материала, оно рассчитано на апробацию методики, которая может пригодиться после составления исчерпывающего каталога скандинавских комплексов и артефактов. Следует сразу же оговорить, что наш базис археологических источников ограничен (и априори искажен) целой серией взаимосвязанных факторов: во-первых, разной степенью археологического («полевого») исследования разных территорий Восточной Европы, во-вторых, разной степенью процента опубликованных материалов (на эталонных памятниках он заведомо выше), в-третьих, разной степенью изученности этих материалов с точки зрения выявления североевропейских древностей (в части опубликованных материалов не идентифицированы скандинавские вещи), в-четвертых, качеством публикации этих находок (наличие географической локализации, надежных хронологических привязок, типологических аналогий и др.), наконец, в-пятых, доступностью редких региональных изданий. Однако мы считаем необходимым исходить при историко-археологических реконструкциях из имеющегося фонда данных, поскольку «исчерпывающая полнота» информации никогда не будет достигнута. Другое дело, что коррекция предложенных нами выводов неизбежно произойдет, по мере коррекции наших, вполне возможно, ошибочных географических и хронологических атрибуций и, конечно, публикации новых находок.

Проблеме изучения ранних этапов проникновения скандинавов в Восточную Европу на основе археологических данных посвятил специальную работу Ю. Кальмер²⁴, который совершенно правильно ставит проблему именно *раннего проникновения скандинавов*: в ней указаны самые ранние находки скандинавских предметов в Восточной Европе VI–VIII вв., которые являются сигналами о продвижении скандинавов в регион, особое внимание обращается на переломный момент середины VIII в. (760-е гг.) – появление Ладоги. Ю. Кальмер указывает на роль южного побережья Балтийского моря (Померания, Пруссия) как транзитной территории,

²⁴ Callmer J. From West to East. The Penetration of Scandinavians in the Eastern Europe ca. 500–900 // Les centres proto-urbaines. P. 45–94.

через которую скандинавы производили переброску в Поволховье. В качестве свидетельств контактов местного восточноевропейского населения со скандинавами Ю. Кальмер использует находки бусин, «пакетных» ножей и составных роговых гребней²⁵. Эти находки, несомненно, говорят о контактах со скандинавами, но бусины, ножи и, в меньшей степени, гребни, – самый очевидный предмет торговли, поэтому сигналом о постоянном стационарном присутствии скандинавов на территории они сами по себе чаще всего служить не могут. Кроме того, они могут изготавливаться и не скандинавами, а населением, испытавшим на себе их дистанционное культурное влияние. А находки кузнечных изделий, сделанных в технологии «трехслойного пакета» известны в Салтовской и Волынцевской культурах (см. ниже), они могут быть достоверным маркером контактов со скандинавами только на севере. Одновременно Ю. Кальмер использует любые признаки дальней торговли (прежде всего, клады) и политогенеза (протогородские портовые и укрепленные центры) как свидетельство об активности скандинавов, с чем, разумеется, нельзя согласиться. Скандинавы, как и другие выходцы из циркумбалтийского ареала, не могли быть единственными участниками взаимосвязанных процессов международной торговли и потестарно-политического развития региона. Кроме того, Ю. Кальмер неизбежно использовал устаревшие сейчас датировки открытых торгово-ремесленных поселений (например, Гнездовского и Тимеревского археологических комплексов) IX в., что исказило его хронологию расширения ареала пребывания скандинавов в Восточной Европе²⁶. Однако, Ю. Кальмер совершенно правильно указал, что стационарное присутствие скандинавов до середины IX в. фиксируется только в Ладоге и Рюриковом городище, он подчеркнул, что количество самих скандинавов было крайне мало. Он определил, что часть скандинавов «первой волны» происходила с Аландских островов и с озера Меларен в Швеции²⁷. Его анализ первой половины IX столетия можно считать вполне образцовым. Он также прав, когда пишет, что следующая волна пришельцев с севера (он ее датирует второй половиной IX в., но мы ниже обосновываем хронологический период – самый конец IX в.) была менее космополитична в культурном отношении, менее

²⁵ Ibid. P. 65–66.

²⁶ Аналогичные хронологические искажения ср.: *Duczko W. Viking Rus*. P. 78–83.

²⁷ *Callmer J. From West to East*. P. 74, 85.

толерантна к местному населению и более военизирована²⁸. В целом, статья Ю. Кальмера остается одной из лучших зарисовок этнокультурного контекста внедрения «выходцев с севера» на новые территории. Вторая статья Ю. Кальмера, посвященная проблемам исследования истории Восточной Европы IX в., посвящена анализу маршрутов передвижения между циркумбалтийским и припонтийским культурными ареалами²⁹. В этой статье Ю. Кальмер обратил особое внимание на Верхнее Поднепровье («от Витебска до Смоленска») как на ключевую «транзитную зону» IX в., история которой обусловила появление такого крупного эмпория как комплекс у дер. Гнездово. В этой же статье Ю. Кальмер, с одной стороны, вполне правильно, датирует появление эмпория у дер. Гнездово «около 900 г.»³⁰, с другой же, пытается измыслить косвенные аргументы в пользу датировки этого археологического комплекса IX в.³¹ В остальном эта статья мало что дает для проблемы фиксации присутствия скандинавов в Восточной Европе в IX в., поскольку исходит из идеи, что это присутствие – доказанная данность, а не вопрос, который нуждается в специальном изучении. Точно также в своих работах Ю. Кальмер считает априори известным факт приоритетного участия скандинавов в развитии «дальней торговли» и формировании торговых путей IX в., проецируя на это столетие информацию следующего X в., между тем и этот тезис в свою очередь нуждается в доказательствах.

Выделение нами денежно-вещевых кладов (археологических комплексов) IX в., имеющих ориентировочную датировку по младшей монете (строгий *terminus post quem*), методически было проще и заведомо корректней. Картография отдельных находок, представляющих определенную этнокультурную традицию и, как правило, относительно широкий хронологический период, гораздо сложнее и рискованней. Перед нами встают сразу несколько проблем: обоснование идентификации археологических комплексов и отдельных вещей как «скандинавских» или «северного круга древностей»; обоснование сильной этнокультурной привязки как

²⁸ В. Дучко предполагает, что в этой волне кроме шведов были датчане и прибалтийские «западные» славяне: *Duczko W. Viking Rus*. P. 59, 71, 113.

²⁹ *Callmer J. At the Watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black sea*. Denmark. Aarhus. 2013. 39–85.

³⁰ *Ibid.* P. 56, 68.

³¹ *Ibid.* 72.

минимум части этих предметов к их носителям с определенной этнокультурной идентификацией (этнический маркер, предмет определенного культа и др.); бытование этих предметов в Восточной Европе именно в IX в., а не позже. Кроме того, если каждый денежно-вещевой клад представляет собой «археологический комплекс»³², то значительная часть исследуемого материала – случайные или, во всяком случае, отдельные находки.

Начнем с последнего вопроса: сейчас сложился целый жанр археологических публикаций «случайных находок», и проблема осмысления «отдельной», «случайной», или «отдельной, но неслучайной» находки давно обсуждается археологами³³. «Случайная находка» – источник «обманчивый» и «вынужденный» (используемый зачастую «за не имением других данных»), однако, при определенных условиях и ограничениях вполне информативный. Л.С. Клейн уверенно включает «случайные находки» (по его терминологии: «портативные объекты аномального выпадения» или «часть негативной выборки на неизвестных основаниях») в свою классификацию «археологических источников»³⁴. Е.А. Шинаков сформулировал оптимистическую версию интерпретации «отдельной находки»³⁵, которая сводится к тому, что «археологическая пустота ничего не значит» для интерпретации, потому, что там еще возможны новые находки, а вот любая заметная находка является индикатором («сигналом») неких этнокультурных или социально-политических процессов. Нам же представляется методологически необходимым расценивать «археологическую пустоту» именно как показатель полного отсутствия того или иного феномена, в данном случае, следов скандинавов и контактов с ними, а также следов дальней транзитной торговли или старта процесса политогенеза. Иначе сама идея картографирования ком-

³² См. сборник: Клады: состав, хронология, интерпретации. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002.

³³ См. сборники: *Nota bene: Случайная находка*. Вып. 1. Археологические заметки. Сб. научных трудов / Под ред. О.А. Митько. Новосибирск, 2007; *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст*. Материалы научной конференции. СПб., 2008.

³⁴ *Клейн Л.С.* Археологические источники. СПб., 1995. С. 195, 211, 229, 237–240, 261.

³⁵ *Шинаков Е.А.* Нетрадиционные источники по реконструкции процесса формирования древнерусской государственности (постановка проблемы) // *Отечественная история: методология, источниковедение, историография*. Брянск, 1993. С. 177–181; *Он же.* Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 126–129.

плексов и артефактов теряет смысл, ведь, теоретически новые находки изменяют неизбежно любую карту. Точно также единичная находка может появиться на той или иной территории в связи со слишком большим числом различных вероятных причин, вплоть до ошибки фиксации или преднамеренного искажения информации о месте и контексте ее обнаружения. Поэтому, единичный артефакт, находящийся вне «поддерживающего» его интерпретацию контекста, – слишком слабый, фактически ничтожный аргумент в пользу любого умозаключения. Но мы разделяем общий подход Е.А. Шинакова в том аспекте, что концентрация и сочетание разных материальных сигналов (серия индикаторов) в определенном ареале должна иметь историко-культурное объяснение и это объяснение нужно искать. В таком ключе, В.Н. Седых вполне правомерно предложил рассматривать «случайную находку» как сигнал о необходимости поиска ее археологического контекста³⁶. В качестве примера он, в частности, приводит «случайные находки» монет или кладов, которые были «сигналами», которые позволяют найти синхронные или более поздние (закономерно возникшие на торговом пути) поселения или могильники. Яркий аргумент в пользу именно такой трактовки – концентрация «случайных находок» скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье, т. е. вокруг Новгорода и Рюрикова городища³⁷. Концентрация серий определенных видов находок на определенной территории может также служить маркером зоны межплеменного (межэтнического) торгового обмена³⁸. Есть также исследовательский прецедент, когда серия случайных находок оружия (в исследуемом примере – архаических акинаков скифов) показывает направление и пути перемещения скифов (военных отрядов, разведчиков?) на неосвоенные ими территории³⁹, что типологически очень близко к нашей проблеме фиксации «проникновения скандинавов».

³⁶ *Седых В.Н.* Случайное как проявление закономерного // Случайные находки. С. 13–16. Ср. аналогичную ситуацию «клада как сигнала обширного археологического комплекса»: *Сериков Ю.Б.* Случайная находка с шайтанского озера // Там же. С. 47–50.

³⁷ *Торопов С.Е.* Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье: из коллекций Новгородского музея // Археологические вести. 2014. № 20. СПб., 2014. С. 225–252.

³⁸ *Бобров В.В.* Размышления о контексте случайных археологических находок // Случайные находки. С. 20–24.

³⁹ *Ворошилов А.Н.* Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Там же. С. 91–96.

Принципиальный методологический вопрос, связанный с картографированием «циркумбалтийских» (уже – «скандинавских»), шире – «североевропейских») артефактов, что собственно считать находкой «скандинавского» артефакта или предмета «северного культурного ареала»? Предметы североевропейского происхождения в Восточной Европе необходимо разделить на две группы: во-первых, собственно скандинавские артефакты и, во-вторых, артефакты более широкого (северо)европейского бытования, которые попадали на Русь при посредстве скандинавов (например, «фризские» гребни и др.). Характерный пример второй группы – обряд погребения в деревянной камере, для которого установлено его континентальное происхождение и распространение (с VI в. в Центральной Европе и позже на территории Каролингской империи), но при этом никем не оспаривается, что на территорию Древней Руси (в том числе в Ладугу в конце IX в.) его «приносят» именно скандинавы⁴⁰.

Сложный и спорный аспект проблемы идентификации именно «скандинавских древностей» среди «североевропейских», общеевропейских и местных технологических и стилистических подражаний обсуждался в частности в рецензии А.В. Комара и Н.В. Хамайко на каталог Ф.А. Андрощука и В.Н. Зоценко⁴¹. Мы же абстрагируемся от этого вопроса, поскольку нам важна не жесткая привязка предмета или обряда к определенной «узкой» общности, а отражение импульса из определенного этнокультурного ареала, в данном случае, «североевропейского» или циркумбалтийского. Определение «скандинавский» используется нами условно как обозначение определенного типа северных субкультур, распространенных в Скандинавии и зоне «походов викингов».

Наконец, присутствие отдельных предметов скандинавского («североевропейского», «циркумбалтийского») происхождения на том или ином археологическом памятнике ставит другой, гораздо более важный для нас, вопрос: является ли этот предмет маркером присутствия скандинава-носителя, или является следом торговых связей (импорта)? Такие предметы, разумеется, могли попадать на территорию Восточной Европы через торговых по-

⁴⁰ Михайлов К.А. Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 217–224.

⁴¹ Комар А.В., Хамайко Н.В. Рец. // Археология. С. 189–190.

средников или быть трофеями военной деятельности, а затем уже распространяться в качестве «статусных» вещей в местной среде. Но на самом деле вопрос «личного» присутствия или некоего контакта не столь важен для нашей темы, поскольку и личное присутствие, и импорт говорят о *связях того или иного региона с циркумбалтийским миром*. Торговый контакт (импорт), означает получение выходцами с севера определенных знаний о регионе и его жителях, а значит, является *формой потенциального будущего присутствия в ареале*. Безусловным же доказательством присутствия скандинавов на определенной территории (археологических памятниках) являются, конечно, не столько сами отдельные предметы определенной технологии или стиля, сколько следы инокультурных «северных» традиций: элементы домостроительства, погребального обряда, технологии изготовления бытовых предметов, предметы культа. Ф. Андросук и В. Зоценко в специальном обзоре «критериев определения скандинавских древностей» сосредотачивают свое внимание именно на традициях (культовых, погребальных, стилистических, технологических)⁴², однако, они вполне правомерно обосновывают и сильную этнографическую валентность «знаковых» предметов мужской (например, мечи) и женской (например, фибулы) субкультур. Эти традиции и предметы должны были принести в Восточную Европу в основном их носители – скандинавы⁴³.

Отметим особо благоприятный фактор, который позволяет использовать «скандинавские древности» Восточной Европы в качестве почти однозначного маркера либо присутствия самих скандинавов, либо контактов с выходцами из циркумбалтийского региона. Восточная Европа – территория, которая была населе-

⁴² Андросук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности. С. 24–32. Более подробно см: Лесман Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 5. С. 43–93. О скандинавских культовых предметах и стоящих за ними мировоззрении в Восточной Европе см.: Мусин А.Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. № 2. 2012. С. 555–602. В этих работах см. историографию проблемы идентификации скандинавских археологических древностей. Между тем, технологические традиции, в частности, «трехслойный пакет» в кузнечном деле не могут быть, как правильно отмечают А.В. Комар и Н.В. Хамайко, «этнической монополией», эта технология, например, известна и в хазарском культурном ареале – в древностях Салтовской и Волынецкой культур (Комар А.В., Хамайко Н.В. Рец. // Археология. С. 189–190).

⁴³ Ср.: Пушкіна Т.А. Скандинавские древности на Руси. С. 89.

на славянскими, финскими, балтскими, аланскими и тюркскими общностями, поэтому «северные древности» (условно говоря, «германского облика») хорошо здесь «читаются» и могут служить яркими индикаторами как минимум контактов с их носителями, или при определенных условиях – инфильтрации этих носителей на данную территорию. Причем, эта «северная культура» Скандинавского полуострова «эпохи викингов» отличается исключительной самобытностью и стилистической яркостью⁴⁴, что почти исключает возможность путаницы ее артефактов с местными функциональными аналогами.

На основе этих историографических предпосылок мы будем анализировать территории, на которых найдены скандинавские артефакты IX в. Особое внимание будет уделяться:

- 1) территориям концентрации разных по функциям и субкультурной принадлежности артефактов;
- 2) обнаружению скандинавских комплексов (поселений, погребений и др.) в сочетании с единичными находками предметов;
- 3) совпадения мест обнаружения скандинавских предметов с местами находок денежно-вещевых кладов IX в.

Таблица № 1

**Скандинавские комплексы и артефакты IX в.
на территории Восточной Европы
(22 географических пункта)**

№	Памятник	Комплекс / Артефакт	Литература
1	Ладога	Археологические комплексы, отражающие проживание выходцев из Скандинавии. Домостроительство, культ, погребальный обряд, ремесло, женская субкультура, оружие.	Pushkina 1997. Р. 86; Kuz'min 2000, Кузьмин 2008; Кирпичников, Сарабьянов 2010; Лесман 2014.
2	Рюриково Городище	Археологические комплексы, отражающие проживание выходцев из Скандинавии. Домостроительство, культ, ремесло, женская субкультура, оружие.	Pushkina 1997. Р. 86; Носов 1990; Носов, Горюнова, Плохов 2005; Лесман 2014.
3	Торопец	Фибула равноплечая (ЯП 73(?)).	Еремеев 2005. С. 99, 101.
4	Ерохино	Браслет ладьевидный (ЯП 186).	Еремеев 2005. С. 99–100.
5	Шугайлово	Гребень роговый первой группы (по О.И. Давидан).	Еремеев 2005. С. 101

⁴⁴ См. один из аспектов: Андрощук Ф. Мечи викингов. Киев, 2013. С. 119–136.

№	Памятник	Комплекс / Артефакт	Литература
6	Витебск	Гребни роговые первой группы (по О.И. Давидан).	Бубенько, Левко 2003. Рис. 5.
7	Добрино	Гривна серебряная с гранчатыми головками.	Еремеев 2005. С. 102.
8	Клименки	Равноплечая фибула (ЯП 58).	Еремеев 2005. С. 99, 103.
9	Заозерье	Гребни роговые первой группы (по О.И. Давидан); многоцветная продольно-полосатая пронизка (группа VIII, подгруппы II по З.А. Львовой).	Еремеев 2005. С. 113.
10	Кислая	«Полубрактеат» Хедебю.	Шмидт 1969. С. 64; Еремеев 2005. С. 99.
11	Городок	Фрагменты равноплечей фибулы.	Еремеев 2005. С. 115.
12	Брили	Меч (тип Н); гривна серебряная.	Дернович 2007. С. 10; Дернович 2009. С. 160.
13	Бичева	Меч (тип В).	Андрощук, Зоценко 2012. С. 164.
14	Листвин	Копье (тип В).	Андрощук, Зоценко 2012. С. 161.
15	Лукомль	Стрелы ланцетовидные; браслета ладьевидного фрагмент.	Самонова 2012. С. 60–68.
16	Масковичи	Фибула равноплечая (ЯП 73)	Дернович 2007; Дернович, 2009. С. 162.
17	Сарское гор.	Топор, «фризские» гребни, трехслойные ножи, кресало.	Леонтьев 2012. С. 170.
18	Супруты	Удила в стиле Борре; щитообразная подвеска; ладьевидные браслеты.	Григорьев 2005. С. 184.
19	Бор	Меч (тип В).	Богуславский 2003. С. 161.
20	Орехово	Гривна железная с привесками.	Мусин 2012. С. 559.
21	Шнидкино	Фрагменты равноплечей фибулы (ЯП 58).	Раскопки С.А. Стефутина в 2015 г. ⁴⁵ .
22	Изборск	Ланцетовидные наконечники копий, ланцетовидные наконечники стрел.	Артемьев 1982. С. 87; Артемьев 1991. С. 70–72; Седов 2007. С. 107, 115.

Нами выделено 22 географических пункта, в которых обнаружены скандинавские комплексы и артефакты. До конца IX в.

⁴⁵ Благодарим С.А. Стефутину, познакомившего нас с неопубликованными материалами своих раскопок: *Стефутин С.А.* Итоги работ Раннеславянской археологической экспедиции на селище Шнидкино в 2015 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 30. (в печати).

лишь два археологических комплекса содержат в себе материалы, которые отражают *факт стационарного проживания гендерно-полного социума выходцев из Скандинавии*, это – *Ладога* и *Рюриково городище*. Здесь представлены артефакты, которые отразили все основные аспекты «северной» материальной и духовной культуры. В Поволховье зафиксирован могильник в ур. Плакун, включающий самые ранние скандинавские погребения. Этот курганный могильник расположен на правом берегу Волхова, напротив Земляного городища Ладоги. С начала XX в. здесь исследованы 16 (возможно, 18?) насыпей, содержащих захоронения по обрядам кремации и ингумации; в трех курганах следов захоронений не выявлено (возможно, это меморативные насыпи)⁴⁶. На сегодняшний день представление о скандинавском характере могильника Плакун уже прочно утвердилось в отечественной историографии⁴⁷. В кургане № 11 исследовано погребение в камере, имеющее ближайшие аналогии в Южной Ютландии, преимущественно в районе Хедебю⁴⁸. В восьми курганах Плакуна (№ 1, 3, 5–8, 11, 13) найдены ладейные заклепки (от 1–2 до 200), что позволяет предположить использование в погребальном обряде лодок или их деталей⁴⁹. Среди погребального инвентаря встречены детали игральные досок и ларцов, ледоходные шипы, каменные и костяные игральные шашки, фрагменты костяных гребней, фрагмент клинка меча, воткнутого в основание насыпи, фрагменты двух «фризских» кувшинов (типа Татингер)⁵⁰. Варианты нижней даты могильника Плакун имеют чрезвычайно широкий диапазон. Г.С. Лебедев относил самые ранние погребения к первой половине IX в.⁵¹; К.А. Михайлов – к началу X в. На основании датировок кувшинов типа Татингер, бус из серебряной рубчатой прово-

⁴⁶ Назаренко В.А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 160–175.

⁴⁷ Михайлов К.А. Скандинавский могильник в урочище Плакун // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 63–68; Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильмень и Поволховье // Русь в IX–X. С. 103.

⁴⁸ Михайлов К.А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород. 1996. С. 52–60.

⁴⁹ Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 277.

⁵⁰ Назаренко В.А. Могильник в урочище Плакун. С. 162–164.

⁵¹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 209.

локи и дендродат из кургана № 11 (880–900 гг.) в современной историографии наиболее распространена точка зрения о начале функционирования Плакунского могильника в конце IX в.⁵²

В Ладоге первое поселение появляется в середине VIII в., это была крупная скандинавская усадьба. Здесь на раннем этапе существования поселения исследованы три постройки каркасно-столбовой конструкции (т. н. «большие дома») с характерным североευропейскими предметами: овальная фибула, железная витая гривна, «фризские» костяные гребни, навершие в виде рогатой головы (возможно, связано с северными «шаманскими» культурами) и др. Среди ранних находок VIII–IX вв. скандинавского происхождения в Ладоге также известны колесовидные бляшки, деревянная палочка и бронзовая пластина с руническими надписями. Кроме того, «фризские» гребни и ланцетовидные наконечники стрел, которые изготавливались скандинавскими мастерами в самой Ладоге⁵³. Общая площадь памятника в ранний период составляла не более 6–8 га⁵⁴. Основываясь на характере застройки, С.Л. Кузьмин определил численность населения Старой Ладоги на раннем этапе ее существования (во второй половине VIII – начале IX вв.) как «несколько десятков человек», максимально, «около ста человек».

Около середины IX в. (возможно, несколько ранее), возникает поселение на Рюриковом городище. В 850–860-е гг. на Рюриковом городище в заполнении построек найдены первые клады дирхемов. К 880–890-м гг. относятся первые дендродаты поселения⁵⁵. На этом укрепленном поселении площадью около 6 га с самого начала его возникновения фиксируется большое количество вещей североευропейского круга. Как отмечал Е.Н. Носов, по числу скандинавских находок Рюриково городище является самым богатым поселением во всей Восточной Европе, заметно превосходя Ладогу. Оно сопоставимо с крупнейшими торгово-

⁵² Носов Е.Н. Новгородская земля. С. 106.

⁵³ Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–X вв. С. 105, 118. Ср. публикацию самых броских предметов: Древности северо-западной России. К 90-летию Г.П. Гроздилова. Каталог выставки. СПб., 1995. С. 104–145.

⁵⁴ Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследования археологических памятников эпохи Средневековья. СПб., 2008. С. 73.

⁵⁵ Носов Е.Н. Новгородская земля. С. 109.

ремесленными (раннегородскими) центрами самой Скандинавии, в том числе, такими как Бирка⁵⁶. В IX в. Поволховье вокруг Ладоги и Рюрикова городища появляется инфраструктура памятников «второго уровня», административных пунктов контроля на ответвлениях торговых путей и в среде местного славянского населения. Это – городища Холопий Городок, Сергов Городок и селище Георгий, на этих памятниках также фиксируются северо-европейские находки⁵⁷.

С развитием поселений в Ладоге и на Рюриковом городище скандинавы начинают проникновение в регион Юго-Восточного Приладожья. На могильнике Бор в районе р. Оять из разрушенного погребения происходит меч типа В по Я. Петерсену (вторая половина VIII – первая половина IX вв.)⁵⁸. На могильнике Орехово в Юго-Восточном Приладожье найдена железная гривна с привесками, которая может быть датирована концом IX – началом X вв.⁵⁹ Есть вполне вероятная гипотеза, что целью скандинавов в этом регионе было участие в добыче пушнины и пушной торговле. Постепенно в этой области появляются «фактории» по сбору пушнины, в рамках которых формируется специфичная приладожская гибридная финско-скандинавская культура⁶⁰.

Ладога и Рюриково городище были, с одной стороны, «воротами в северные моря», а, с другой, продолжали цепочку поселений скандинавов IX в. на южном побережье Балтийского моря (Волин, Колобжег, Пуцк, Гданьск, Трусо, Кауп, Гробиня, Павикен, Даугмале)⁶¹. Между этой цепочкой эмпориев и Ладогой в VIII–IX вв. располагался крупный местный центр – Псков, который контролировал альтернативный Ладоге выход в акватории северных морей⁶². В IX в. это было крупное укрепленное поселение славян. Однако его материальная культура демонстрирует связи с культурой прибалтийского городища Рыуге, находясь под

⁵⁶ Там же. С. 115.

⁵⁷ Там же. С. 96.

⁵⁸ Там же. С. 161.

⁵⁹ Мусин А.Е. Скандинавское язычество. С. 559.

⁶⁰ Богуславский О.И. История Юго-Восточного Приладожья в погребальных древностях // Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 159–161.

⁶¹ Bogucki M. Viking Age Ports of Trade in Poland // Estonian Journal of Archaeology. 2004. № 8 (2). P. 100–127; Duczko W. Viking Rus. P. 113–114; Androshchuk F. The Vikings in the East. Essays. P. 11–16.

⁶² Duczko W. Viking Rus. P. 111–112.

сильным латгальским влиянием, лишь с рубежа IX и X вв. здесь достоверно появляются скандинавские артефакты⁶³.

На других территориях Восточной Европы стационарных поселений скандинавских групп до конца IX в. нет. Можно лишь предположительно выделить *следы пребывания скандинавов на определенных памятниках (поселениях) и территориях*. Присутствие скандинавов фиксируется в *четырёх пунктах*: на *Изборском, Витебском, Сарском и Супрутском городищах*. Во всех четырёх случаях, скорее всего, мы наблюдаем концентрацию предметов, связанную с присутствием выходцев из Скандинавии в протогородском центре, связанном с маршрутами транзитной торговли. Менее вероятен вариант, что эти вещи поступили сюда в результате обмена (или войны) с регионом проживания скандинавов, т.е. с Поволховьем и Приильменьем.

Изборск – крупный славянский раннегородской (условно, «племенной») центр, со смешанной славяно-финской культурой⁶⁴. Наличие в слоях городища, датируемых IX в., типичных для скандинавов наконечников копий и наконечников стрел ланцетовидной формы (см. таблицу № 1) – вполне очевидный маркер присутствия здесь вооруженных скандинавов (возможно, воинов-наемников?), можно также предполагать по импортам посещения Изборска скандинавскими купцами. Считать находки наконечников копий и стрел следами штурма, кажется, нет оснований, хотя

⁶³ *Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. № 160. М., 1980. С. 12, 15; *Седов В.В.* Становление Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100 первого летописного упоминания). Т. I. М., 2003. С. 8–18. Отметим рубежный для истории Пскова пожар, который С.В. Белецкий в своих последних работах датирует началом 860-х гг. (*порубочная дата* бревна из слоя пожара 860 г., см: *Белецкий С.В.* Начало Пскова. СПб., 1996. С. 57, 78–79; *Он же.* Псков в I – начале II тысячелетия н. э. // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 371. Начало существования Пскова как «ранне-древнерусского» города можно датировать *второй половиной – концом IX в.* (*Он же.* Когда возник Псков // Псков в российской и европейской истории. С. 111–117). Нижняя дата фортификационных сооружений – конец IX в. (*Он же.* Псков в I – начале II тысячелетия н. э. С. 374). Самые ранние погребения псковского могильника со скандинавскими вещами датируются X в. (*Он же.* Псков в I – начале II тысячелетия н.э. С. 377–379; см. подробнее: Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. I. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). СПб., 2012).

⁶⁴ *Седов В.В.* Изборск – протогород. М., 2003; *Он же.* Изборск в раннем средневековье. М., 2007; *Лопатин Н.В.* К этногеографии Сказания о призвания варягов // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 286–292.

такая идея высказывалась в историография. Точно также считать скандинавов постоянно живущей доминирующей элитой Изборска в IX в. тоже нет веских причин, что было убедительно продемонстрировано В.В. Седовым⁶⁵.

Сарское городище возникло в начале IX в., это был племенной центр финно-угров (видимо, летописной общности меря) и одновременно центр ремесла и «дальней торговли». На городище найдены два монетных клада дирхемов начала IX в., здесь представлены также североевропейские и восточные импорты. Выявлен расположенный вблизи городища т.н. «лагерь гостей» – небольшая сезонная стоянка купцов и воинов (скорее всего – северного скандинавского (?) происхождения), проходивших по торговым путям⁶⁶. К скандинавским находкам IX в. на Сарском городище А.Е. Леонтьев относит топор скандинавского типа (тип С по Я. Петерсену), «фризские» односторонние костяные гребни с циркульным орнаментом, несколько ножей, выполненных в технологии трехслойного пакета, кресало с характерным оформлением бронзового остова⁶⁷.

На Супрутском городище, представлявшим собой торгово-ремесленный и контрольно-административный пункт Хазарского каганата на Донском торговом пути, есть находки скандинавских вещей: ладьевидный браслет (и фрагменты подобных браслетов), амулеты (щитообразная подвеска и фрагмент железной гривны), навершие с головой дракона, зажим от узды, украшенный в стиле Борре, копье с «готическим» орнаментом на втулке, односторонние костяные гребни, железные удила с бронзовыми позолоченными псалиями, орнаментированными в стиле Борре⁶⁸. Поселение у дер. Супруты возникло на Донском пути, при переходе с верховьев Дона в реки Упа и Ока, где уже с начала IX в. появляются пункты, обслуживающие прохождение торговых караванов (Уткино, Торхово, Слободка). На городище найдено значительное количество предметов торгового инвентаря (детали пяти весов и 23 гирьки), фрагменты амфор, украшения балтского и финно-угорского типов, находки салтовского и североевропейского происхождения. На основании наличия североевропейских находок В.В. Мурашева де-

⁶⁵ Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. С. 114–115.

⁶⁶ Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М. 1996; Он же. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X вв. С. 166–170.

⁶⁷ Леонтьев А.Е. На берегах озер. С. 170.

⁶⁸ Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула, 2005; Мурашева В.В. Супрутский клад. М., 2008.

дает вывод, что скандинавы занимали на Супрутах главенствующее положение и появление здесь северных древностей свидетельствует о захвате скандинавами ключевого пункта на Донском пути⁶⁹. Противоположный взгляд на этнокультурную принадлежность жителей этого поселения сформулировал автор раскопок городища А.В. Григорьев. Практически все предметы, которые могут быть отнесены к «мужской», «дружинной» субкультуре (удила, стремена, топоры, детали поясов, луков) имеют прямые аналогии в памятниках салтовского типа и связаны с традициями кочевого степного мира⁷⁰. На основании этого А.В. Григорьев приходит к выводу, что на поселениях для контроля ключевого участка Донского пути находилась небольшая мобильная конная дружина (славянская в своей основе, с участием степных кочевников)⁷¹.

Витебск – был эпицентром, на котором сходились маршруты по Западной Двине и северный отрезок пути из варяг в греки, именно из него могли расходиться по Верхнему Поднепровью прибывшие по этим путям скандинавы, искавшие новые пути на юг (см. ниже).

Кроме Приладожья, можно выделить территории, на которых, возможно, находились скандинавы, и / или которые находились с ними в тесных контактах. В Верхнем Поднепровье и Подвинье с первой половины IX в. фиксируется выпадение *серии единичных скандинавских находок*. В Ерохино (урочище Красный Ручей) у подножия сопки под пахотным слоем в материковой яме найден ряд вещей, среди которых – ладьевидный бронзовый браслет (тип 186 по Я. Петерсену). На Торопецком могильнике в парном погребении взрослого и ребенка найдена равноплечая бронзовая фибула, близкая к типу 73 по Я. Петерсену. На могильнике Шугайлово найден односторонний костяной гребень, близкий к изделиям первой группы типа 1а по О.И. Давидан. Из клада в Добрино (младшая монета – 842 г.) происходит серебряная гривна с гранчатыми головками, украшенная чеканным орнаментом. В составе клада на селище у дер. Кислая (младшая монета – первая треть IX в.) найдена монета-«полубрактеат», чеканенная около 825 г. в Хедебю. В дер. Климен-

⁶⁹ *Мурашева В.В.* Супрутский клад. С. 38.

⁷⁰ *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула, 2005. С. 184.

⁷¹ *Григорьев А.В.* На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки // Русь в IX–X вв. С. 376.

ки в начале XX в. И.С. Абрамовым у местного жителя была приобретена равноплечая фибула (тип 58 по Я. Петерсену), происшедшая, вероятно, из разрушенного погребения. Эта фибула может быть широко датирована в пределах второй половины IX–X вв. В Заозерье найдено несколько гребней первой группы по О.И. Давидан, которые могут быть отнесены ко второй половине IX – середине X вв., и многоцветная продольно-полосатая пронизка, основная масса которых по материалам Старой Ладуги относится к горизонтам E3–E1 (вторая половина VIII – начало X вв.)⁷². В могильнике Городок из раскопок В.И. Сизова известна находка фрагментов равноплечей фибулы с полусферическими личинами. На основе орнаментальных аналогий такого оформления фибул в Швеции и Норвегии в IX в. в сочетании с ранними типами бус из этого погребения Городка, И.И. Еремеев считает возможным датировать комплекс IX – началом X вв.⁷³. На городище Масковичи в Браславском Поозерье найдена бронзовая равноплечая фибула типа 73 по Я. Петерсену⁷⁴. В Витебске найдены два односторонних роговых гребня первой группы по О.И. Давидан, которые могут быть датированы рубежом IX–X вв., возможно, часть других местных скандинавских артефактов должно датироваться IX в.⁷⁵ В составе Брилевского клада на р. Березине найден меч типа Н по Я. Петерсену. Денежно-вещевой комплекс у дер. Брили датируется 890-ми гг.⁷⁶ Картографирование серии находок предметов показывает, что это – либо свидетельство массовых поставок в результате интенсивных торговых контактов (импорта), либо результат военных действий (трофеи из мест проживания скандинавов), либо сигналы о продвижении сюда отдельных групп

⁷² Еремеев И.И. Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // Археологические вести. СПб., 2005. Вып. 12. С. 99–102.

⁷³ Еремеев И.И. Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги. С. 115.

⁷⁴ Дернович С.Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006. С. 31.

⁷⁵ Бубенько Т.С., Левко О.Н. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 8. Мінск, 2003. Рис. 5. Можно предварительно полагать, что Витебск, скорее всего, был крупным раннегородским центром IX в. с выраженным скандинавским присутствием (Еремеев И.И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015. С. 63).

⁷⁶ Дернович С.Д. Скандинавские древности. С. 31.

скандинавов, которые осуществляли первые пробные поиски наиболее удобных речных путей и новых торговых маршрутов. Скорее всего, эта серия находок – след всех трех процессов, но именно этот регион в X в. заселяют скандинавы, поэтому проникновение первых «скаутов» сюда уже в IX в. весьма вероятно. По наблюдениям И.И. Еремеева городским центром IX в., на котором находились скандинавы, в этом регионе был *Вутебск*⁷⁷.

В Южной Руси выявлено всего несколько случайных находок скандинавского происхождения, которые предположительно могут быть отнесены к IX в. Из района села Бичева (Житомирская обл.) происходит меч типа В (по Я. Петерсену), который может быть отнесен к IX в. Место находки было установлено Ф.А. Андрощуком по архивам Т. Арне⁷⁸. С городища Листвин (Ровенская обл.) происходит «крылатый» железный наконечник копья с пером ланцетовидной формы (тип В по Я. Петерсену) – случайная находка 1870-х гг., которая может быть датирована VIII–IX вв.⁷⁹ Эти находки совпадают с находкой клада IX в (см. ниже карту № 2 и таблицу № 2⁸⁰) и отражают торговые связи Верхнего Поднепровья с Правобережьем⁸¹, они также могут быть связаны с западным отрезком пути «из хазар в немцы». Можно предполагать, что носители этих скандинавских вещей или сами вещи через торговых посредников попали на Правобережье Днепра с Верхнего Поднепровья по Днепру. Получается, что сами носители скандинавских вещей или торговцы-посредники спускались с верховьев Днепра до среднего течения (район славянских центров Киева, Пересечена и Коростеня) и сворачивали на запад по сухопутному пути (см. ниже). Возможно, именно таким путем в X в.

⁷⁷ Еремеев И.И. Древности Полоцкой земли. С. 63–65; Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки по исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010. С. 496–501.

⁷⁸ Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. С. 164.

⁷⁹ Там же. С. 161.

⁸⁰ Заметим, что южнее на Правобережье Днепра найден денежно-вещевой клад с дирхемами IX в. (младшая монета – 806 г.), который показывает, что попытки прокладывать торговые маршруты в западном и юго-западном направлениях в это время фиксируются (Болдуриану А.И., Рябцева С.С. Денежно-вещевыеклады и отдельные находки монет в памятниках Карпато-Днестровского региона IX – начала XI вв. // Вторая нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». СПб., 2015. С. 26–33).

⁸¹ *Androschuk F. Vikings in the East. Essays. P. 80–85.*

в торгово-ремесленное поселение у дер. Гнездово попадали моравские традиции и вещи⁸². Заметим, что на *городище Масковичи* и в Звенигороде на *Правобережье Днепра* в более позднее время (X–XII вв.) найдены рунические надписи, несущие некоторые архаические черты. Получается, что сюда достаточно рано попали скандинавы, которые «законсервировали» традицию использования старших рун, которая уже устаревала в IX в., иными словами, это – косвенный, но вполне работающий аргумент в пользу именно *проникновения самих скандинавов на эти территории в ранний период*. Такие рунические надписи с архаическими чертами в Восточной Европе есть еще только в местах стационарного проживания скандинавов в Ладоге и на Рюриковом городище⁸³.

Особо отметим, что нами выявлен целый ряд географических совпадений мест находок денежно-вещевых кладов IX в. с местами находок скандинавских артефактов. Это является косвенным, но вполне весомым доказательством участия скандинавов в это столетие в дальней транзитной торговле, связанной с арабским монетным серебром и другими восточными импортами.

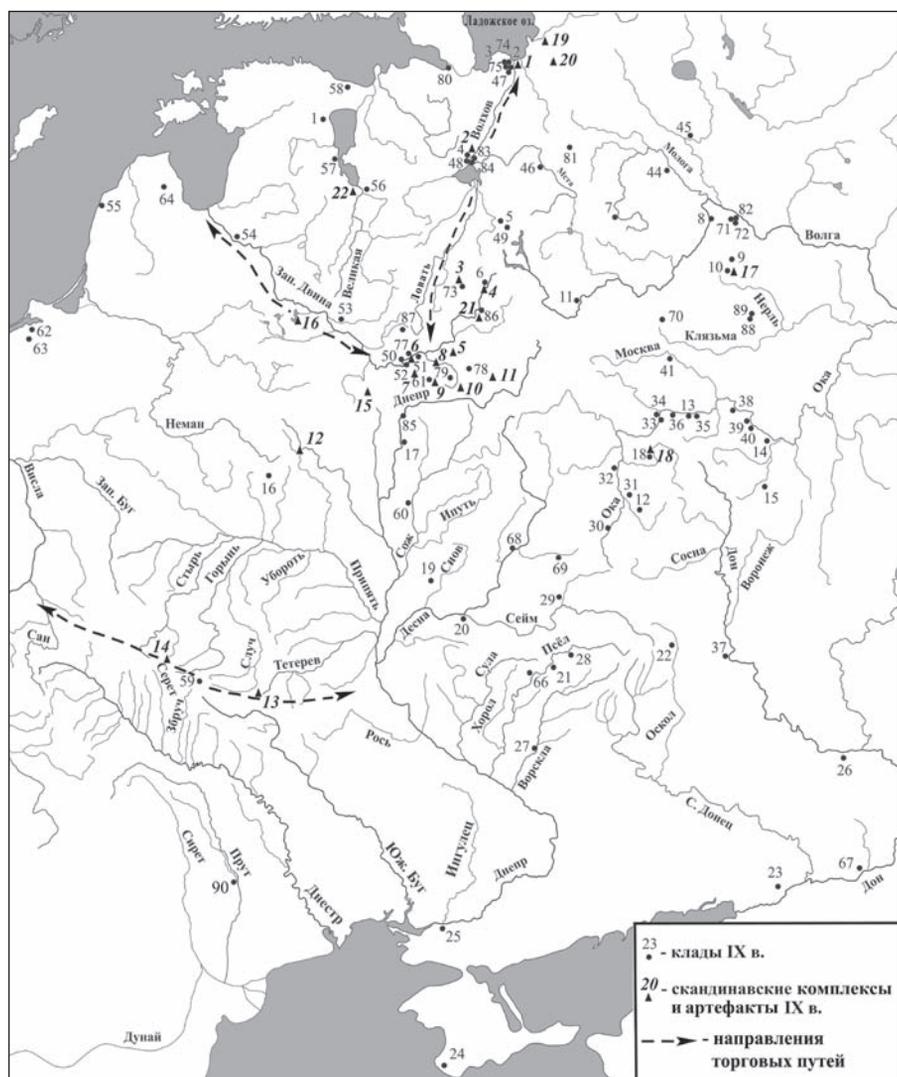
Таблица № 2

Совпадение ареалов обнаружения денежно-вещевых кладов и скандинавских артефактов IX в.

Скандинавские артефакты	Денежно-вещевые клады
Ладога	Старая Ладога, 787 г.; Старая Ладога, 789 г.; Старая Ладога, 808 г.; Старая Ладога, 847 г.; Княшино, 808 г.
Рюриково городище	Вылеги, 807 г.; Новгород, 864 г.; Рюриково городище, 867 г.; Рюриково городище, 867 г.
Торопец	Торопец (Зеликовье), 867 г.
Ерохино	Набатово, 816 г.
Витебск, Добрино, Клеменки, Заозерье, Кислая, Городок	Лучесы, 863 г.; Поречье, 854 г.; Витебская губ., 860-е гг.; Добрино, 842 г.; Богомолец, 866 г.; Кислая, перв. треть IX в.; Богушевский, 823 г.
Супруты	Супруты, 867 г.
Шнидкино	Шнидкино, 853 г.
Изборск	Пейпус, 862 г.; Псковский уезд, Кохтла-Ярве, 838 г.; Тарту

⁸² *Ibid.* P. 86–89.

⁸³ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011. С. 175–200, 209–247; Андрущук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности. С. 174.

Карта № 2. Скандинавские комплексы и артефакты и денежно-вещевые клады IX в.

Перечень денежно-вещевых кладов IX в.

1. Тарту	31. Протасово	61. Добринно, 842 г.
2. Старая Ладога, 787 г.	32. Мишнево, 869 г.	62. Калининград
3. Княщино, 808 г.	33. Острогов, 870 г.	63. ПрейсишЭйлау
4. Вылеги, 807 г.	34. Гручино	64. ЛибагуСарайи
5. Демянск, 825 г.	35. Хитровка, 873 г.	65. Лелеки, 803 г.
6. Набатово, 816 г.	36. Растовец, 864 г.	66. Новотроицкое, 819 г.
7. Загородье, 831 г.	37. Девица, 838 г.	67. Правобережное Цимлянское, 810 г.
8. Углич, 829 г.	38. Железницы, 878 г.	68. Нижние Новоселки, 812 г.
9. Угодичи, 813 г.	39. Борки, 817 г.	69. Кремлевское, 813 г. (руническое граффити на монете).
10. Сарское городище	40. Борки	70. Глухово
11. Семенов Городок	41. Москва	71. Тимерево, 865 г.
12. Борки, 817 г.	42. Вятка	72. Тимерево, 867 г.
13. Баскач, 808 г.	43. Ягошуры, 843 г.	73. Торопец (Зеликовье), 867 г.
14. Лапотково, 817 г.	44. Кузнецкое, 870 г.	74. Старая Ладога, 808 г.
15. Скопинский у.	45. Панкино, 863 г.	75. Старая Ладога, 789 г.
16. Минская губ., 816 г.	46. Потерпельцы, 866 г.	76. Элмед, 821 г.
17. Могилев, 815 г.	47. Ст. Ладога, 847 г.	77. Богомолец, 866 г.
18. Супруты, 867 г.	48. Новгород, 864 г.	78. Кислая, первая треть IX в.
19. Ярыловичи, 821 г.	49. Шумилово, 871 г.	79. Богушевский, 823 г.
20. Паристовский хутор	50. Лучесы, 863 г.	80. Петергоф, 805 г. (греч. граффити).
21. Нижняя Сыроватка, 813 г.	51. Поречье, 854 г.	81. Иловец
22. Завалищино, 810 г.	52. Витебская губ., 860-е гг.	82. Тимерево, 869 г.
23. Кривянская, 806 г.	53. Ахремцы, 852 г.	83. Рюриково городище, сер. IX в.
24. Херсонес, 870 г.	54. Лифляндская губ., 872 г.	84. Рюриково городище, 867 г.
25. Новая Лазаревка, 893 г.	55. Гробин	85. Соболево, 850-860 гг.
26. Вешенская	56. Псковский уезд	86. Шнидкино, 853 г.
27. Полтава, 883 г.	57. Пейпус, 862 г.	87. Глазуново, сер. IX в.
28. Погребное, 876 г.	58. Кохтла-Ярве, 838 г.	88. Выжегша, 842 г.
29. Моисеево, 870 г.	59. Тернополь, младшая сохранившая золотая византийская монета – 802 г. (По В.В. Кропоткину).	89. Выжегша, 842 г.
30. Бобыли, 876 г.	60. Литвиновичи, 824 г.	90. Рэдукзень, 806 г.

В конце IX в. можно выделить еще два пункта, в которых можно предполагать появление скандинавов. В конце IX в. начинается застраиваться Подол Киева: древнейший ярус по дендродатам датируется 80-ми гг. IX – 20-ми гг. X в., древнейшая дендродата – 887 г., хотя, Подол как район Киева начинает формироваться только в начале X в.⁸⁴ С начала X в. в Киеве формируется курганный могильник с элитарными камерными погребениями, погребениями с оружием, престижным импортом и скандинавскими предметами, древнерусских погребений *ранее рубежа IX–X в.* в киевском некрополе нет⁸⁵. В первой четверти X в. возводятся древнейшие укрепления на Старокиевской горе, причем эти фортификации технически аналогичны укреплениям Рюрикова городища в Приильменьи⁸⁶. Первые два клада дирхемов в Киеве датируются по младшей монете 905/906 и 906/907 гг., а комплекс монет из киевского некрополя на Старокиевской горе датируется *первой четвертью – серединой X в.*⁸⁷ Со временем застройки киевского Подола совпадает появление укрепленного торгово-ремесленного поселения городища Шестовица, которое относится к концу IX в. (или по Ф. Андрощуку: «до 900 г.»)⁸⁸. С момента возникновения городище выполняло функции эмпория и «дружинного лагеря»⁸⁹.

⁸⁴ Сагайдак М.А. Давньокиївський Поділ: проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991. С. 82, 126; *Sahaydak M. Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podol District // Ruthenica. 2005. № 4. P. 139–160*; *Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. № 4. С. 115–137.*

⁸⁵ *Ивакин В.Г. Киевские погребения X в. // Stratum plus. 2011. № 5. С. 243–286.*

⁸⁶ *Михайлов К.А. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Вып. 1. Київ, 2010. С. 308–315.*

⁸⁷ *Кўлешов В.С. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты // Русь в IX–X веках. С. 387–393; Он же. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LXV. Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара. С. 162–184.*

⁸⁸ *Скороход В.Н. Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу в ур. Коровель біля с. Шестовиця в кінці IX – на початку XI ст. Автореферат дисертації. Київ, 2012. С. 14–15; Андрощук Ф.А. Гнездово, Днепровский путь и финал Бирки // Гнездово: 125 лет исследований памятника / Труды Государственного исторического музея. Вып. 124. М., 2001. С. 126–135; Коваленко В.П. Новые исследования в Шестовице // Гнездово: 125 лет исследований памятника. С. 176–916; *Androshchuk F. Vikings in the East. Essays. P. 27.**

⁸⁹ *Андрощук Ф.О. Нормани і слов'яни в Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999; Коваленко В.П., Моця А.П. Шестовиця –*

Уже первые поселенцы Шестовицкого городища в конце IX в., по всей вероятности, были скандинавами: две самых ранних постройки городища представляют собой «большие дома» площадью 80 – 110 кв. м⁹⁰. Однако, при этом, какие-либо скандинавские вещи, которые могли бы однозначно датироваться второй половиной или концом IX в., на городище Шестовица не выявлены⁹¹. Застройка подола Киева и первые «большие дома» городища Шестовицы, видимо, маркируют первый относительно массовый приход скандинавов в Среднее Поднепровье. Иными словами, это – следы самого раннего, эмбрионального, этапа становления «плацдарма русов» на Днепре⁹², который в X в. превратится в «державу Рюриковичей».

Попутно отметим, что *все остальные* т.н. торгово-ремесленные поселения (эмпории) со скандинавским населением возникают уже в X в.⁹³ Это, прежде всего, «город-порт» у дер. Гнездово, где, как показал А.А. Фетисов, не найдено комплексов, датирующихся IX в.⁹⁴

южная «сестра» Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 91–102.

⁹⁰ *Сытый Ю.Н., Скороход В.Н.* Застройка городища Коровель на начальном этапе его существования // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ, С. 305–313.

⁹¹ Однако в материалах X в. комплекса у дер. Шестовицы есть архаичные скандинавские вещи прошлых веков: *Androshchuk F.* Vikings in the East. Essays. P. 27.

⁹² *Франклин С., Шенард Дж.* Начало Руси. 750–1200. СПб., 2009. С. 151–182.

⁹³ В Северо-Восточной Руси, где в X в. появляется большое количество погребальных памятников, связанных с элитарной «дружинной культурой» (курганы Ярославского Поволжья и Владимирские курганы), в IX в. находки скандинавского происхождения отсутствуют. В ареале Владимирских курганов по наблюдениям В.А. Лапшина они появляются только с середины X в.: *Лапшин В.А.* Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. М., 1981. Вып. 166. С. 45–48. В Верхнем Поволжье скандинавские находки также известны только с первой половины X в. (поселение Тимерево) или с середины X в. (Пекуново, Медведицкое, Угличское поселения): *Исланова И.В., Крымов Е.Ю., Романов В.В.* Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 72–77.

⁹⁴ Обоснование датировки см.: *Фетисов А.А.* К вопросу о нижней дате Гнездовского археологического комплекса и времени функционирования пути «из варяг в греки» // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора С.П. Щавелева. Курск, 2013. С. 111–117. В последних публикациях при датировке этого археологического комплекса фигурирует «конец IX в.», но это скорее дань историографической инерции: *Пушкина Т.А., Енисосова Н.В., Мурашева В.В.* Гнездово – раннегородской центр Верхнего Поднепровья периода образования Руси // Русь в IX–X вв. С. 243–273.

Точно также археологических комплексов, датирующихся IX в., нет на относительно крупном поселении с богатым скандинавским материалом у дер. Тимерево. Опорный для ранней датировки этого археологического памятника курган № 95 убедительно передатирован X в.⁹⁵ Культурный слой поселения у дер. Тимерево сам по себе не имеет обоснованных признаков для датировки его IX в., а археологический контекст находки кладов дирхемов середины IX в. на месте будущего поселка не дает оснований для датировки с их помощью возникновения поселения⁹⁶. Эти клады вполне могут относиться к периоду, когда поселка еще не было, а торговый путь, который станет катализатором его возникновения, уже использовался. Заметим, что как раз согласуется с идеей В.Н. Седых об этих кладах как о сигнале появления в будущем поселения на этом месте (см. выше). Точно также концентрация скандинавских находок и кладов в Верхнем Поднепровье IX в. предшествует появлению здесь в X в. поселения у дер. Гнездово. В IX в. это была территория, по которой курсировали группы скандинавов, в X в. появилось крупное скандинавское поселение с крупнейшим могильником. Видимо, именно от периода первых пробных рейдов скандинавов IX в. в Верхнее Поднепровье на Гнездовском археологическом комплексе X в. скопилось и осталось большое количество скандинавских артефактов архаичного облика (датируемых «прошлым» для «классического Гнездова» IX в.)⁹⁷. Заметим, также, что архаичные артефакты,

⁹⁵ См. статью В.Н. Седых и Я.В. Френкеля в настоящем сборнике. Ср. социально-этнокультурный контекст этого вывода, правда, без хронологических уточнений: *Леонтьев А.Е.* Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. 1989. № 3. С. 79–86.

⁹⁶ См. первую публикацию, еще не отягощенную программирующей историографической традицией: *Добровольский И.Г., Дубов И.В.* Комплекс памятников у дер. Большое Тимерево под Ярославлем по археологическим и нумизматическим данным // Вестник Ленинградского университета. 1975. № 2. С. 65–70. Благодарим С.С. Зозулю за ценные консультации, связанные с этим памятником археологии.

⁹⁷ *Каинов С.Ю.* К вопросу о времени возникновения торгово-ремесленного поселения у дер. Гнездово // ВЕДС. XXVII. Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 121–125. Представительная выборка находок «антикварного облика» в слоях «классического Гнездова» X в. и значительное число отдельных находок IX в. в регионе Верхнего Поднепровья позволяет предполагать, что здесь возможно обнаружение слоев более раннего времени, чем X в., однако, пока они не обнаружены, следовательно, возникновение этого эмпория следует датировать X в. Кроме того, как показывает пример Ладоги, возникновение поселения не означает, что это поселение сразу является торгово-ремесленным перевалочным пунктом на торговом пути.

по наблюдениям С.Ю. Каинова, принадлежат разным традициям (кроме скандинавской, еще южным кочевническим, центральноевропейской и др.), что подтверждает вывод о Верхнем Поднепровье в IX в. как контактной (транзитной зоне).

Карта распространения скандинавских комплексов и артефактов показывает, что до конца IX в. скандинавы жили в Восточной Европе только в Ладогe и на Рюриковом городище. Еще на четырех городищах можно предполагать присутствие скандинавов с высокой степенью вероятности (Изборск, Витебск, Супрутское и Сарское). Это, видимо, были поселения – *крайние точки*, которые достигались *единичными* торговыми агентами, ремесленниками или наемниками северного происхождения. Считать скандинавов значительной частью элиты этих раннегородских центров оснований нет. Судя по сериям единичных находок, скандинавские «*coureur des bois*» («лесные бродяги») активно осваивали территории Приладожья и Верхнего Поднепровья. Судя по совпадениям мест находок скандинавских предметов и кладов IX в., скандинавами использовались торговые пути: «верхний отрезок» пути из варяг в греки, путь по Западной Двине⁹⁸ и, возможно, еще спуск по Днепру и затем западный отрезок пути из «хазар в немцы». Как видим, у нас есть данные об участии скандинавов в дальней транзитной торговле монетным серебром, однако, ареал распространения скандинавских находок гораздо уже ареала денежно-вещевых кладов, поэтому, ясно, что монополией на «дальнюю торговлю» скандинавы во всей Восточной Европе не обладали.

Судя по карте скандинавских находок, скандинавы нигде не пересекали границы зоны влияния Хазарского каганата. На данный момент ни одна находка скандинавского облика, которую могла бы быть достоверно датирована IX в. в зоне влияния

⁹⁸ Ср.: *Calmer J. At the Watershed*. P. 56. Впрочем, в монографии И.И. Еремеева (*Еремеев И.И. Древности Полоцкой земли*. С. 19, 60–74, 547–548) приведены серьезные аргументы в пользу того, что транзитный торговый путь по Западной Двине (Даугаве) так и не сложился. Между скандинавами в низовьях реки и верхнем ее течении (куда проникли славяне и, видимо, тоже скандинавы) остался мощный буфер военизированных латгалов. Тем не менее, наличие торгового пути по этой реке И.И. Еремеев все же признает, к тому же, в двух местныхкладах есть «скандинавский контекст» (Там же. С. 61–62). Поэтому, учитывая состояние источников, скорее следует признать, что этот торговый путь все-таки использовался скандинавами в IX в., хотя и не был, видимо, таким удобным как «трансладожский».

хазар нам не известна⁹⁹. Исключение составляет городище Супруты – полиэтничный, пограничный и максимально отдаленный от основных центров Хазарии контрольный пункт¹⁰⁰. Опять же крайне замечательно наличие скандинавских находок на

⁹⁹ Это отмечает и Ф. Андрощук (*Androshchuk F. Vikings in the East. Essays. P. 215*), тут же делая абсолютно алогичный вывод, что строительство пограничных хазарских крепостей было начато для обороны от руси (скандинавов). См. о причинах масштабного строительства пограничных укреплений: *Щавелев А.С. Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга картины земли. Сб. статей в честь И.Г. Коноваловой / Под. ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М., 2014. С. 323–329*. Ф. Андрощук в качестве примеров скандинавского присутствия на территории Хазарии перечисляет единичные артефакты, датирующиеся X в. Единственное потенциальное исключение составляет случайная находка основания наперстка типа Н с широкой датой IX–X вв. на салтовом городище Маяки на Северском Донце (*Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. С. 316*). В Скандинавии мечи этого типа имеют очень широкую дату (конец VIII – первая половина X вв.), на территории Древней Руси большинство находок мечей типа Н и их деталей относятся к X в. (*Каинов С.Ю. Мечи из раскопок Гнездова // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998, С. 205–215; Дернович С.Д. Скандинавские древности Белоруссии эпохи викингов. Минск, 2006. С. 10*). С городища Маяки также происходит ладейная заклепка, по Ф. Андрощуку происходящая из слоя IX в. Но ладейные заклепки сами по себе, вне погребальных комплексов, где они маркируют лодки как предмет погребального инвентаря, характерный именно для скандинавов, не являются значимым этнокультурным маркером, такие изделия бытовали у самых разных народов. Сам Ф. Андрощук не включает их в свой каталог «скандинавских древностей» (*Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. С. 31–32; Комар А.В., Хамайко Н.В. Рец. // Археология. С. 189*). Городище Маяки – типичное укрепленное поселение Салтово-Маяцкой культуры с яркой чертой поселений кочевников – юртообразными жилищами (*Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011. С. 72–75*). Городище находится очень далеко от всех ареалов пребывания и активности скандинавов в IX в., поэтому эти находки являются в лучшем случае единичным примером вторичного «посреднического» импорта, которым насыщен культурный слой городищ этого микро-региона (*Кравченко Э. Городища Среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 3. Киев; Харьков, 2004. С. 242–276*). Эти две находки не могут служить маркером тесных контактов со скандинавами и, тем более, их пребывания на территории поселения. Если же все-таки присутствие скандинавов в этом регионе в IX в. подтвердится – это будет, видимо, – свидетельство использования ими торговых маршрутов, связанных с Донским путем.

¹⁰⁰ *Григорьев А.В. Славянское население; Воронцова М.А. Этнический состав населения поречья Упы в IX–X вв. (по данным анализа украшений городища у с. Супруты) // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. ст.: В 2-х тт. Т. I: Археология. С. 109–119.*

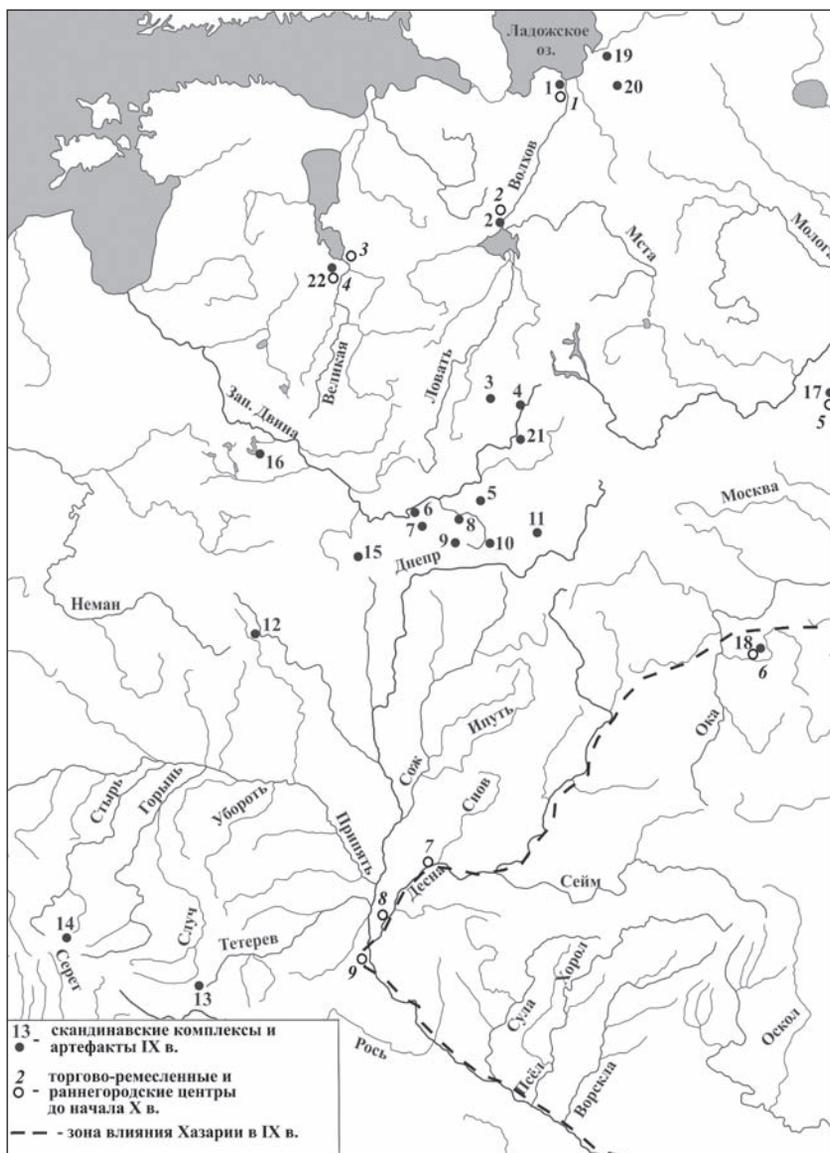
Правобережье Днепра и полное их отсутствие на Левобережье, видимо, путь на восток скандинавам был в IX в. здесь заказан. Организаторами такого запрета могли быть либо местные славянские общности (северяне?), либо хазары. Добавим, что прорыв выходцев с севера в Среднее Поднепровье конца IX в. затронул только самые северо-западные окраины зоны влияния Хазарии¹⁰¹.

Еще раз подчеркнем, что коренных изменений *территории присутствия гендерно-полных коллективов скандинавов* (Поволховье и Приильменье), *зоны активности скандинавских первопродовцев* (Приладожье, Верхнее Поднепровье) и *крайних точек пребывания их малых групп* (Изборск, Сарское и Супрутское городища) в течение почти всего IX в., до последней четверти столетия, не происходит. Переломный момент наступает, условно, в *последнюю четверть IX в. – первую четверть X в.*¹⁰², в рамках этого отрезка можно также условно наметить две фазы: первую – *до 900 г.* и вторую – *после 900 г.* Первая фаза – время расширения территорий расселения и ареала проникновения скандинавов, вторая – время появления всех ключевых торгово-ремесленных поселений X в. Восточной Европы¹⁰³.

¹⁰¹ Карта скандинавских находок IX в., которые маркируют активность выходцев из Скандинавии или контакты с ними, – косвенный, но веский аргумент в пользу того, что политическое влияние хазар пролегалo именно по тем границам, которые примерно очерчивает в своем письме хазарский царь (евр. *мелек*) Иосиф бен Аарон и ранняя древнерусская историческая традиция (*Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв. От призвания до выбора веры. М., 2013. С. 107–133). Из этого ареала следует исключить только славянскую общность радимичей, которых не упоминает сам царь Иосиф и которые не фигурируют в таком качестве в древнерусских текстах ранее Повести временных лет (*Щавелев А.С.* Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования / Ред. А.И. Филошкин, Д.Е. Алимов, А.С. Щавелев.* 2015. № 2 (18). С. 110, 117, 120; *Он же.* Еще раз о радимичах и пищанцах: анализ письменных текстов и интерпретация археологических данных // *Русский сборник.* Вып. 8. Ч. 2. Брянск, 2016. С. 190–195).

¹⁰² Этот период корреспондирует с началом третьего этапа обращения куфических монет в Восточной Европе (ступень Е1аb) по Вяч.С. Кулешову (*Кулешов Вяч. С.* Периодизация монетного обращения. С. 175).

¹⁰³ Распространение скандинавов и мультипликацию их культуры в Восточной Европе совершенно правильно относит к X в. В. Дучко (*Duczko W.* Viking Rus. P. 115).

Карта № 3. Скандинавские артефакты, раннегородские центры IX в. и зона влияния Хазарского каганата.

Раннегородские центры, существовавшие до начала X в.: 1 – Ладога; 2 – Рюриково городище; 3 – Псков; 4 – Изборск; 5 – Сарское городище; 6 – Супрутское городище; 7 – Чернигов; 8 – Шестовица; 9 – Киев.

В первую фазу – последняя четверть IX в. (до 900 г.) – происходит:

1) постройка «большого дома» (строение, видимо, связано с торговлей и / или публичной властью и воспроизводилось на этом месте до конца X в.) Ладоги (горизонт Е, строительный ярус 7) и фортификация Рюрикова городища (дендродаты 880–890 гг.)¹⁰⁴;

2) появление скандинавских погребений могильника в ур. Плакун;

3) начало «ранне-древнерусского» Пскова («Псков Г» по С.В. Белецкому);

4) превращение Киева в эмпорий – появление Подола (дендродата – 887 г.);

5) заселение Шестовицкого городища около Чернигова населением, возведшим «большие дома».

Во вторую фазу после 900 г. (первая четверть X в.) происходит:

1) появление скандинавских погребений в могильнике около Пскова;

2) превращение Киева в крупный, укрепленный по образцу Рюрикова городища, военно-политический центр; появление у Киева военно-торгового города-спутника второго уровня на Левобережье Днепра – Выползовского городища¹⁰⁵;

3) появление эмпориев у дер. Гнездово и дер. Тимерево (?);

4) появление «раннедревнерусского» Чернигова¹⁰⁶.

До конца IX в. территории расселения скандинавов в Восточной Европе ограничена *Поволховьем* и *Пришьменьем*, также фиксируются две зоны их активности *Приладожье* и *Верхнее Поднепровье*. На трех относительно отдаленных от этого ареала городищах есть следы пребывания скандинавских малых групп: *Изборск*, *Сарское* и *Супрутское городища*. Расширение «географии» присутствия «выходцев с севера» в Восточной Европе

¹⁰⁴ Kuz'min S. Ladoga. P. 127; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. С. 149–153; Петров Н.И. Поволховье и Ильменское Поозерье в IX–X вв. СПб., 1996. С. 47, 58–59.

¹⁰⁵ Моця О.П., Ситий Ю.М., Скороход В.М. Виповзівський археологічний комплекс у світлі нових досліджень 2009–2013 рр. // Міста Давньої Русі. Збірник наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ, 2014. С. 26–36.

¹⁰⁶ Коваленко О.П. 1300 чи 1100 // Чернігів у сереньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007. С. 21–30; Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. Київ, 2011.

могут дать только новые археологические находки, а не новые «остроумные гипотезы». Факторы взрывного расширения территории обитания и деятельности скандинавов на данный момент нужно искать в указанных выше хронологических рамках: *последней четверти IX – первой четверти X в.*

* * *

На основе этих географических и хронологических наблюдений, необходимо сформулировать несколько следствий, принципиальных для исторических реконструкций. Во-первых, необходимо решительно поставить под сомнение гипотезу о том, что в IX в. некая «первая волна скандинавов» («перво-русь»¹⁰⁷) появилась *на юге* Восточной Европы, поселилась там и активно действовала, но не оставляла никаких археологически фиксируемых следов, кроме глобальных разрушений¹⁰⁸. Эти «ранние скандинавы» должны были обладать уникальной спецификой, которая заключалась бы в полном отказе от всех скандинавских и североευропейских этнокультурных признаков. Они не пользовались типичными формами скандинавского оружия, не использовали скандинавские погребальные обряды, не оставляли признаков торговой (клады, погребения с торговым инвентарем) и военно-административной (создание своих опорных пунктов, погребения воинов¹⁰⁹) активности. Нам феномен такой тотальной маскировки представляется крайне маловероятным¹¹⁰.

¹⁰⁷ Заметим, что в X в. русь (особенно наиболее успешная ее часть – «держава Рюриковичей») оставляет именно *скандинавские следы* в археологических, языковых и нарративных совокупностях данных.

¹⁰⁸ Гипотеза развивается в работах: *Назаренко А.В.* Русь IX в.: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках. С. 12–35; *Комар О.В.* Про час і обставини прийняття титулу «хакан» правителем русів // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернівці, 2003. С. 105–107; *Комар А.В., Сухобоков О.В.* Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 159–173; *Воронятов С.В.* «Черта оседлости» русов конца VIII – первой половины IX в. // Истоки славянства и Руси. Сб. статей по материалам X Чтений памяти Анны Мачинской. СПб., 2012. С. 221–245.

¹⁰⁹ Таким центром никак не могло быть городище у дер. Супруты, где, судя по находкам, скандинавы явно не составляли доминирующую элиту поселения (*Григорьев А.В.* Славянское население водораздела. С. 159). См. подробнее выше.

¹¹⁰ См. подробнее: *Щавелев А.С.* Инвазия скандинавов («руси») в мир славян (в печати).

Следует отвергнуть и идеи о появлении до конца IX в. глобальных полities под руководством скандинавской элиты в Восточной Европе. Существование такой масштабной полities «эпохи Рюрика» предполагал Г.С. Лебедев¹¹¹. При этом он исходил из историографической традиции буквального «совокупного» прочтения летописных известий Повести временных лет, использования максимально ранних датировок всех опорных памятников со скандинавским материалом, а также традиции «переноса» явлений X в. на предшествующее столетие. По ключевым пунктам этих предпосылок уже прозвучала вполне обоснованная критика¹¹². Вслед за Г.С. Лебедевым аналогичную историко-археологическую реконструкцию «руси эпохи Рюрика» предпринял В.Н. Седых¹¹³, он основывался на динамике поступления арабского серебра и ритмов археологизации кладов в Восточной Европе. Его наблюдения показывают сигналы о периоде нестабильности в 860–880-е гг., но вот связь этой нестабильности именно с военно-политической активностью Рюрика ничем не доказывается, кроме недостоверной хронологии раннего летописания. Еще менее обоснована в своих источниковедческих предпосылках глобальная реконструкция военных походов на огромные расстояния войск мощных полities руси в IX в. А.В. Зорина и А.Г. Шпилева¹¹⁴. Археологические материалы в

¹¹¹ См.: *Лебедев Г.С.* Русь Рюрика как объект археологического изучения // Петербургский археологический вестник. 1993. № 6. СПб., 1993. С. 105–109; *Он же.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 189–236; *Он же.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Историко-археологические очерки. СПб., 2005. С. 505–533.

¹¹² Серьезную критику части реконструкций Г.С. Лебедева см.: *Еремеев И.В.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015. С. 74–81.

¹¹³ *Седых В.Н.* Русь эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект // Ладога – первая столица Руси. С. 68–71.

¹¹⁴ *Зорин А.В., Шпилев А.Г.* Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // *Stratum Plus.* Археология и культурная антропология. 2005–2009. № 5. С. 478–493. В этой статье данные письменных источников используются выборочно без обращения к оригинальным текстам и без учета их текстологии. Достаточно сказать, что, например, в качестве источника с легкостью используется древнерусский перевод XIV в. «Жития св. Стефана Сурожского»: «князь Бравлин» «переселяется» из Новгорода в Ладогу и становится вождем крупной полities руси. Ключевая же для исторической интерпретации этого текста проблема отсутствия в армянском переводе греческого жития упоминаний руси и Новгорода, которое говорит о вторичном «литературном происхождении» этих

статье используются только иллюстративно и со значительными упущениями. Связь выпадения серии кладов на разных территориях с предполагаемым глобальным рейдом руси из Ладоги на территорию Византии через всю Восточную Европу и обратно (!) остается в области догадок, причем, достаточно фантастических. Разгром Новотроицкого городища, действительно, датируется по нумизматическим данным 830–840-ми гг.¹¹⁵, однако, учитывая аргументы И.И. Ляпушкина, эту дату следует сдвинуть как минимум к середине IX в.¹¹⁶ А главное, среди наконечников стрел, которые, возможно, связаны со штурмом городища, нет ни одного достоверно скандинавского (см. ниже), поэтому определение нападавших по наконечникам стрел именно в этом случае проблематично¹¹⁷. Датировка Гнездовского археологического комплекса первой половиной IX в. не признана ни одним современным исследователем и требует специального обоснования, а не утвердительной констатации. Точно также существенно искажают картину предложенной «реконструкции» и неоправданно ранние датировки возникновения остальных торгово-ремесленных поселений Восточной Европой IX в., прежде всего, комплекса у дер. Тимерева. Описание огромных политий «каганата Рюрика» и «прото-государства Олега», якобы сложившихся в IX в., вообще не опирается на какие-либо достоверные данные. В итоге вся картина в целом и основные отдельные выводы оказываются

деталей в древнерусском варианте даже не рассматривается (*Bozoyan A. La Vie arménienne de saint Étienne de Sougdaia // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Éd par C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 87–107; Ivanov S.A. The Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh // Ibid. P. 109–167*). Затем это откровенно мифическое «крещение новгородского князя Бравлина» сопоставляется с не менее загадочным и спорным известием о «русских письменах» из «Жития Константина» (*Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. С. 165–166*). Такого рода источниковедческие вольности сопутствуют почти всем приведенным примерам из письменных источников, что лишает выводы авторов вообще каких-либо оснований, но это – предмет отдельного детального разговора.

¹¹⁵ *Кулешов Вяч.С. Денежное обращение новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина. СПб., 2012. С. 65–71.*

¹¹⁶ *Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре славян в период сложения Киевского государства / МИА. № 74. М.; Л., 1958. С. 180–192.*

¹¹⁷ Например, при раскопках уничтоженного городища Супруты на этом памятнике выявлена серия ланцетовидных наконечников: *Григорьев А.В. Славянское население водораздела. С. 72–74, 163.*

необоснованными с точки зрения современной археологической информации.

В заключении специально укажем, что набирающая популярность в историографии идея о связи находок т.н. стрел «гнездовского типа» (№ 41 по классификации А.Ф. Медведева) на разрушенных в IX в. городищах юга Восточной Европы (Битица и Новотроицкое) с воинской традицией именно скандинавов («руси») неубедительна без дальнейшей более детальной проработки. Эти формы наконечников стрел хорошо известны в традиции Салтовской культуры, но по сравнению с «классическими» стрелами «гнездовского типа» они имеют более длинный черешок. А.В. Крыганов выделяет их в отдельный тип (группа II тип 44). Такие наконечники стрел в VIII–X вв. широко распространены у кочевников Поволжья¹¹⁸. Семнадцать экземпляров наконечников стрел типа № 41 есть в материалах конца VIII–X вв. в Подонье (Правобережное Цимлянское городище), Поволжье (Большие Тарханы, Тетюши, Танкеевка), а главное, на Южном Урале, где скандинавов быть не могло в принципе. Найденный на Новотроицком городище наконечник стрелы с «ланцетовидным» пером не относится к типам скандинавских ланцетовидных стрел (типы 62, 63, 75, 77) и имеет очень широкое географическое бытование¹¹⁹. Таким образом, найденные на Битицком и Новотроицком городищах предметы вооружения, приписываемые скандинавам («руси»), таковыми, судя по всему, не являются. Если же вдруг, окажется, что на разгромленных городищах на юге Восточной Европы действительно будут найдены предметы скандинавского вооружения, как настойчиво предлагается в историографии, это будет скорее означать, что в этих войнах участвовали скандинавские наемники на службе у местных правителей. Возможность появления здесь самостоятельных воинских контингентов «выходцев с севера» со своими собственными политическими целями надо будет каким-то образом доказывать специально, а не констатировать.

¹¹⁸ Крыганов А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников Юга Восточной Европы в VII–X вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Харьков 1987. С. 34, 299–312. Приносим глубокую благодарность С.Ю. Каинову за консультации, касающиеся проблем изучения древнерусского оружия.

¹¹⁹ См. сводку именно *скандинавских* ланцетовидных наконечников стрел: Каинов С.Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб., 1999. С. 60. Рис. 7.

Добавим, что проблема локализации местопребывания руси в IX в. по данным письменных источников выходит за рамки нашей задачи, однако, отметим, что ни один письменный источник IX в. не содержит непосредственной эксплицитной информации о географических локусах, связанных с русью¹²⁰. Если не использовать методологически неприемлемый прием тотальной ретроспекции данных X в., письменные источники не дают оснований для локализации руси вообще где-либо в конкретном месте на карте Европы. Мы знаем, только те места, где русь «появлялась»: Севилья, Ингельхайм, Баварская Восточная марка, Константинополь, Амастрида (?), Таматарха, Поволжье, Южный берег Каспия и Багдад¹²¹.

¹²⁰ См. обзор: *Назаренко А.В.* Русь IX в.: обзор письменных источников. С. 12–35. Умозаключения А.В. Назаренко о локализации мест обитания руси в IX в. не вытекают из прямых указаний текстов источников и построены исключительно на логических основаниях, которые в силу этого открыты для альтернативных интерпретаций. Так, точка старта купцов-русов, идущих к Баварской восточной марке, именно в Среднем Поднепровье совсем не такая безальтернативная версия, как ее представляет А.В. Назаренко. Русы с гораздо большей вероятностью могли попасть в Краков и Прагу с севера, с южного побережья Балтики через Польшу, куда было легко добраться каботажным плаванием от Ладоги или маршрутом по Западной Двине (*Duczko W.* Viking Rus. P. 74–78; *Buko A.* The Archaeology of Early Medieval Poland. Discoveries, Hypotheses, Interpretations. Leiden; Boston. 2008. P. 182; *Херманн Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. С. 42–43). В. Дучко совершенно справедливо указывает на античный «янтарный путь» как аналогичную магистраль между Балтикой и Подунавьем (*Duczko W.* Viking Rus. P. 77–78). Еще более безуспешны многолетние попытки понять, где находился «остров русов» (арабское слово «джазира» может иметь также значения «полуостров», «междуречье», «дельта реки» и др., поэтому речь может идти, например, о «междуречье русов») арабской географической традиции. Историографический тупик не удивителен, ведь «остров русов» – не столько реальный географический объект, сколько «собирательный образ» имажинарной географии (*Коновалова И.Г.* К вопросу о географии Руси IX – первой половине X в. // ВЕДС. XXIII. Ранние государства Европы и Азия: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 119–123). Вполне достоверно известно, что русь появлялась в Византии «с севера» (она названа «грозою гиперборейской»), пройдя много «земель и племенных владений», а также «судоходные реки и моря без пристаней» (*Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 3–172). Но и в текстах константинопольского патриарха Фотия тоже есть основания подозревать набор риторических оборотов, а более подробной информации византийские источники до начала X в. нам не дают.

¹²¹ См. карту: *Назаренко А.В.* Русь IX в.: обзор письменных источников. С. 15.

ЛИТЕРАТУРА

- Androshchuk F.* The Vikings in the East // *The Viking World* / Ed. by S. Brink & N. Price. L.; N.Y., 2012. P. 517–542.
- Androshchuk F.* Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100). Uppsala, 2013.
- Bogucki M.* Viking Age Ports of Trade in Poland // *Estonian Journal of Archaeology*. 2004. № 8 (2). P. 100–127.
- Bozoyan A.* La Vie arménienne de saint Étienne de Sougdaïa // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar* / Éd par C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 87–107.
- Braudel F.* The Mediterranean in the Ancient World / Ed. by A. de Roselyne & P. Braudel / Trans. by S. Reynolds. London, 2001.
- Buko A.* The Archaeology of Early Medieval Poland. Discoveries, Hypotheses, Interpretations. Leiden; Boston, 2008.
- Callmer J.* From West to East. The Penetration of Scandinavians in the Eastern Europe ca. 500–900 // *Les centres proto-urbaines russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* / Éd. par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman. (Réalités Byzantines, 7). Paris, 2000. P. 45–94.
- Callmer J.* At the Watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // *From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black sea*. Denmark. Aarhus. 2013. 39–85.
- Duczko W.* Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe / *The Northern World*. Vol. 12. Leiden; Boston, 2004.
- Hachman R.* Die Goten und Skandinavier / *Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker*. Berlin, 1970.
- Ivanov S.A.* The Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar* / Éd par C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 109–167.
- Kuz'min S.* Ladoga, le premier centre proto-urbain russe // *Les centres proto-urbaines russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* / Éd. par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman. (Réalités Byzantines, 7). Paris, 2000. P. 123–142.
- Nota bene: Случайная находка. Вып. 1. Археологические заметки. Сб. научных трудов / Под ред. О.А. Митько. Новосибирск, 2007.
- Platonova N.* Problems of Early Medieval Slavonic Archaeology in Russia (a view from St. Petersburg) // *Post-Classical Archaeologies*. 2016. Vol. 6. P. 333–416.
- Pohl W.* Ein Steppenvolk in Mitteleuropa. 567–822 n. Chr. München, 1988.
- Pushkina T.A.* Scandinavian Finds from Old Russia. A Survey of their Topography and Chronology // *The Rural Viking in Russia and Sweden* / Ed. P. Hansson. Örebro, 1997. P. 82–90.
- Randsborg K.* Colonization: Greek & Viking // *Acta Archaeologica, Supplementa*. V. II. Munksgaard, 2000. P. 171–182.
- Sahaydak M.* Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podol District // *Ruthenica*. 2005. № 4. P. 139–160.

- Sorlin I.* Les premières années byzantines du Récit des temps passés // Revue des études slaves. T. 63, fasc. 1. Rus' de Kiev et Russie muscovite. Paris, 1991. P. 9–18.
- Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. par *M. Kazanski, A. Necessian et C. Zukerman.* (Réalités Byzantines, 7). Paris, 2000. P. 114–116.
- Андрощук Ф.* Мечи викингов. Киев, 2013.
- Андрощук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Париж, 2012.
- Андрощук Ф.А.* Гнездово, Днепровский путь и финал Бирки // Гнездово: 125 лет исследований памятника / Труды Государственного исторического музея. Вып. 124. М., 2001. С. 126–135.
- Андрощук Ф.О.* Нормани і слов'яни в Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999.
- Артамонов М.И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // РА. 1990. № 3. С. 271–290.
- Артемов А.Р.* Копья из раскопок в Изборске // КСИА. Вып. 170. М., 1982. С. 87–92.
- Артемов А.Р.* Фенно-скандинавские предметы вооружения в Пскове и Изборске // Земля Псковская, древняя и современная. Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков, 1991. С. 71–72.
- Афанасьев Г.Е.* О самоидентификации Хазарского каганата в IX в. (по данным системы обороны) // КСИА. № 238. М., 2015. С. 98–114, 329–330.
- Бахрушин С.В.* К вопросу о достоверности Начального свода // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1987. С. 15–35.
- Белецкий С.В.* Когда возник Псков // Псков в российской и европейской истории (к 1100 первого летописного упоминания). Т. I. М., 2003. С. 111–117).
- Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. № 160. 1980. С. 3–18.
- Белецкий С.В.* Начало Пскова. СПб., 1996.
- Белецкий С.В.* Псков в I – начале II тысячелетия н.э. // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 361–395.
- Бельский С.В.* Скандинавская погребальная обрядность и курганы Юго-Восточного Приладожья (К проблеме межкультурного контакта) // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. СПб., 1997. С. 43–46.
- Бобров В.В.* Размышления о контексте случайных археологических находок // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 20–24.
- Богуславский О.И.* История Юго-Восточного Приладожья в погребальных древностях // Старая Ладога – древняя столица Руси. Каталог выставки Государственного Эрмитажа. СПб., 2003. С. 158–170.

- Богуславский О.И., Яблоник Д.Л.* Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // История и археология Новгородской земли. Тезисы международной научной конференции. Новгород, 1987. № 25. С. 25–26.
- Болдуряну А.И., Рябцева С.С.* Денежно-вещевые клады и отдельные находки монет в памятниках Карпато-Днестровского региона IX – начала XI вв. // Вторая нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». СПб., 2015. С. 26–33.
- Бродель Ф.* Средиземноморье и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. М.А. Юсима. Ч. I: Роль среды. М., 2002. Ч. II: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003.
- Бубенько Т.С., Левко О.Н.* Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 8. Мінск, 2003. С. 71–95.
- Воронцова М.А.* Этнический состав населения поречья Упы в IX–X вв. (по данным анализа украшений городища у с. Супруты) // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. ст.: В 2 т. Т. I. Археология. С. 109–119.
- Воронятов С.В.* «Черта оседлости» русов конца VIII – первой половины IX в. // Истоки славянства и Руси. Сб. статей по материалам X Чтений памяти Анны Мачинской. СПб., 2012. С. 221–245.
- Ворошилов А.Н.* Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 91–96.
- Герд А.С., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Седых В.Н.* Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб., 1999.
- Горский А.А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь / Под ред. А.А. Горского. Т. 10. М., 2012. С. 7–112.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула, 2005.
- Дернович С.Д.* «Из Варяг в Греки». Археологические находки эпохи викингов на территории Беларуси // Белорусская думка. 2009. № 12. С. 160–166.
- Дернович С.Д.* Скандинавские древности Белоруссии эпохи викингов. Минск, 2006.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В.* Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник Ленинградского университета. 1975. № 2. С. 65–70.
- Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. I. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). СПб., 2012.
- Древности северо-западной России. К 90-летию Г.П. Гроздилова. Каталог выставки. СПб., 1995.

- Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин / Археология СССР. М., 1985. С. 406–407.
- Еремеев И.И.* Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // Археологические вести. СПб., 2005. Вып. 12. С. 98–122.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки по исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010.
- Еремеев И.В.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015.
- Зорин А.В., Шпилев А.Г.* Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2005–2009. № 5. С. 478–493.
- Ивакин В.Г.* Киевские погребения X в. // Stratum plus. 2011. № 5. С. 243–286.
- Исланова И.В., Крымов Е.Ю., Романов В.В.* Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 72–77.
- Каинов С.Ю.* Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб., 1999. С. 49–62.
- Каинов С.Ю.* К вопросу о времени возникновения торгово-ремесленного поселения у дер. Гнездово // ВЕДС. XXVII. Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 121–125.
- Каинов С.Ю.* Мечи из раскопок Гнездова // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 205–215.
- Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А.* Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археол. Изучения // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 24–387.
- Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 2010.
- Клады: состав, хронология, интерпретации. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002.
- Клейн Л.С.* Археологические источники. СПб., 1995.
- Клейн Л.С.* Генераторы народов // Бронзовый и железный век Сибири. Материалы по истории Сибири. Вып. 4. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1951. С. 126–134.
- Коваленко В.П.* Новые исследования в Шестовице // Гнездово: 125 лет исследований памятника. С. 176–916.
- Коваленко В.П., Моця А.П.* Шестовица – южная «сестра» Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 91–102.

- Коваленко О.П.* 1300 чи 1100 // Чернігів у серньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007. С. 21–30.
- Комар А.В., Сухобоков О.В.* Городище «Монастирище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 159–173.
- Комар А.В., Хамайко Н.В.* Рец. на кн. «Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Париж, 2012» // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (12). Колекція наукових фондів Інституту археології НАН України. Результати досліджень. Київ, 2014. С. 188–197.
- Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. № 4. С. 115–137.
- Комар О.В.* Про час і обставини прийняття титулу «хакан» правителем русів // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003. С. 105–107.
- Коновалова И.Г.* К вопросу о географии Руси IX – первой половине X в. // ВЕДС. XXIII. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 119–123.
- Котышев Д.М.* Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII–X вв. // Труды Института российской истории. Вип. 12. М., 2014. С. 3–28.
- Кравченко Э.* Городища Среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 3. Киев; Харьков, 2004. С. 242–276.
- Крыганов А.В.* Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII–X вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1987.
- Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 3–172.
- Кузьмин С.Л.* Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследования археологических памятников эпохи Средневековья. СПб., 2008. С. 69–94.
- Кулешов Вяч.С.* Денежное обращение новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина. СПб., 2012. С. 65–71.
- Кулешов Вяч.С.* Периодизация монетного обращения середины VIII – начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 169–179.
- Кулешов Вяч.С.* Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Труды Государственно-

- го Эрмитажа. Вып. LXV. Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара. С. 162–184.
- Лапшин В.А.* Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. Вып. 166. М., 1981. С. 45–48.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Лебедев Г.С.* Русь Рюрика как объект археологического изучения // Петербургский археологический вестник. 1993. № 6. СПб., 1993. С. 105–109.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути и торговые связи в конце VIII–X вв. // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 383–401.
- Леонтьев А.Е.* Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. 1989. № 3. С. 79–86.
- Лесман Ю.М.* Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 5. С. 43–93.
- Лопатин Н.В.* К этногеографии Сказания о призвании варягов // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 286–292.
- Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. О культуре славян в период сложения Киевского государства / МИА. № 74. М.; Л., 1958.
- Макаров Н.А.* Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 73–88.
- Макаров Н.А.* Начало Руси глазами современной археологии // Вестник РАН. 2013. Т. 83. № 6. С. 499–500.
- Макаров Н.А., Носов Е.Н., Янин В.Л.* Начало Руси глазами современной археологии // Труды Отделения историко-филологических наук. 2008–2013. М., 2014. С. 17–36.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.
- Михайлов К.А.* С. Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 217–224.
- Михайлов К.А.* Скандинавский могильник в урочище Плакун // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 63–68.
- Михайлов К.А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород. 1996. С. 52–60.

- Михайлов К.А.* Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Вып. 1. Київ, 2010. С. 308–315.
- Моця О., Казаков А.* Давньоруський Чернігів. Київ, 2011.
- Моця О.П., Ситий Ю.М., Скороход В.М.* Виповзівський археологічний комплекс у світлі нових досліджень 2009–2013 рр. // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ, 2014. С. 26–36.
- Мурашева В.В.* Супрутский клад. М., 2008.
- Мусин А.Е.* Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 555–602.
- Назаренко В.А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 160–175.
- Назаренко А.В.* Русь IX в.: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 12–35.
- Немировский А.А.* Датировка Троянской войны в античной традиции: к легендарной хронологии «героического века» Эллады // Studia Historica. Т. III. М., 2003. С. 3–18.
- Носов Е.Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволхове // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 92–121.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плахов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. СПб., 2005.
- Петров Н.И.* Поволхове и Ильменское Поозерье в IX–X вв. СПб., 1996.
- Петрухин В.Я.* Варяги и хазары в истории Руси // ЭО. 1993. № 3. С. 68–83.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М.; Смоленск, 1995.
- Петрухин В.Я.* Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // ДГВЕ. 1981. М., 1983. С. 174–181.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–Xвв. От призвания до выбора веры. М., 2013. С. 107–133.
- Пушкина Т.А.* Скандинавские древности на Руси // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. 2011. Т. II. М.; СПб., Великий Новгород, 2011. С. 89–90.
- Сагайдак М.А., Мурашева В.В., Петрухин В.Я.* К истории градообразования на территории Древней Руси VI – первая половина XI в. // История русского искусства в 22 томах. Т. I. Искусство Киевской Руси IX – первая четверть XII века / Отв. ред. А.И. Комеч. М., 2007. С. 81–108.
- Сагайдак М.А.* Давньокиївський Поділ: проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991.

- Самонова М.Н.* Белорусские земли на путях «из варяг в греки» и «из варяг в арабы» // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Сборник научных трудов. Т. 13. Витебск, 2012. С. 60–68.
- Седов В.В.* Изборск в раннем средневековье. М., 2007.
- Седов В.В.* Изборск – протогород. М., 2003.
- Седов В.В.* Становление Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100 первого летописного упоминания). Т. I. М., 2003. С. 8–18.
- Седых В.Н.* Русь эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. VII Чтения памяти А. Мачинской. СПб., 2003. С. 68–71.
- Седых В.Н.* Случайно как проявление закономерного // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 13–16.
- Сериков Ю.Б.* Случайная находка с шайтанского озера // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 47–50.
- Скорород В.Н.* Просторова структура Шестовицького археологічного комплексу в ур. Коровель біля с. Шестовиця в кінці IX – на початку XI ст. Автореферат дисертації. Київ. 2012.
- Славяне и скандинавы / Пер. с нем. и общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986.
- Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы научной конференции. СПб., 2008.
- Стальсберг А.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998. С. 277–287.
- Стальсберг А.* Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические вести. № 3. СПб., 1994. С. 193.
- Степанова Ю.В.* Предметы скандинавского типа из древнерусских памятников Верхневолжья // Скандинавские древности. I Международная Интернет-конференция. СПб., 2009. [<http://conference.dansk.ru/> Дата обращения: 1.05.2016].
- Стефутин С.А.* Итоги работ Раннеславянской археологической экспедиции на селище Шнидкино в 2015 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 30. (в печати).
- Сытый Ю.Н., Скорород В.Н.* Застройка городища Коровель на начальном этапе его существования // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ, С. 305–313.
- Торопов С.Е.* Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье: из коллекций Новгородского музея // Археологические вести. 2014. № 20. СПб., 2014. С. 225–252.

- Фетисов А.А.* К вопросу о нижней дате Гнездовского археологического комплекса и времени функционирования пути «из варяг в греки» // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора С.П. Щавелева. Курск, 2013. С. 111–117.
- Фетисов А.А.* К дискуссии о типе колонизации скандинавами территорий Восточной Европы // Русский сборник. Вып. 8. Ч. 2. Брянск, 2016. С. 279–282.
- Флеров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011.
- Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.
- Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси. 750–1200. СПб., 2009.
- Цукерман К.* Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Города. Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 332–351.
- Щиначов Е.А.* Нетрадиционные источники по реконструкции процесса формирования древнерусской государственности (постановка проблемы) // Отечественная история: методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993. С. 177–181.
- Щиначов Е.А.* Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009.
- Шмидт Е.Е.* Раскопки в Смоленской области // АО. 1968 г. М., 1969. С. 63–65.
- Щавелев А.С.* «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. М.; Вологда, 2016. С. 22–46.
- Щавелев А.С.* Еще раз о радимичах и пищанцах: анализ письменных текстов и интерпретация археологических данных // Русский сборник. Вып. 8. Ч. 2. Брянск, 2016. С. 190–195.
- Щавелев А.С.* Захват территорий славянских «племен» «державой Рюриковичей» в первой половине X в. // ВЕДС. XXVII. Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 328–335.
- Щавелев А.С.* К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюриковичем (легописная дата, византийские источники и археология) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. К 95-летию Е.А. Каменцевой. М., 2016. С. 533–536.
- Щавелев А.С.* Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга картины земля. Сб. статей в честь И.Г. Коноваловой / Под. ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М., 2014. С. 323–329.
- Щавелев А.С.* Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // Studia

Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования / Ред. А.И. Филюшкин, Д.Е. Алимов, А.С. Щавелев. 2015. № 2 (18). С. 99–133.

Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. С. 7–53, карта-вклейка.

Щавелев А.С. Инвазия скандинавов («руси») в мир славян Восточной Европы IX – первой половины X в. // Миграции в Средние века / Отв. сост. М. Боргольте, А.В. Доронин, С.И. Лучицкая. М., 2016. (в печати).

Щавелев А.С. Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 112–121.

A.S. Shchavелеv, A.A. Fetisov

HISTORICAL GEOGRAPHY OF EASTERN EUROPE (THE 9TH CENTURY).
PART 2. THE MAP OF THE FINDS OF SCANDINAVIAN COMPLEXES &
ARTIFACTS.

The article continues the study of historical geography and trade routes of Eastern Europe of the 9th century. It analyzes the map of the archeological finds connected with the culture of medieval Scandinavians and other inhabitants of Northern Europe (arms, jewelry etc.). The map of these finds is compared with the map of hoards of the 9th century, which allows asserting that in a number of cases the places of the finds of Scandinavian artifacts and hoards coincide. Once again this fact is testimony to the participation of Scandinavians in the transit of silver coins across Eastern Europe. The data analysis of *terminus post quem* of the settlements connected with the presence of the Scandinavians in Eastern Europe allows to assert that all those settlements (except Ladoga and Rurikovo Gorodische) appeared in the early 10th century, and till the end of the 9th century there were no fixed Scandinavian settlements outside the regions of the Volkhov and the Ilmen'. The areas, where the series of sing finds were found give the reason to mark the limits of arrival of the Scandinavian (Northern) pioneers. We argue that the 9th century was a special period in the history of Eastern Europe, the use of the later historical data (above all, concerning the 10th century) for the reconstruction of the historical processes of this century methodologically is inappropriate.

Key words: Eastern Europe, Scandinavians, finds, the 9th century, trade routes, historical geography.